

К

урить во дворе универа, сбившись в стайки, — так себе традиция. Возможно, я терпеть ее не могу, потому что у самого никогда не было компашки.

Здесь никто меня не терпит, смотрят заносчиво и презрительно, или вовсе не замечают. Кто я для них? Неудачник, мусор под ногами. Иногда кажется, жизнь полный отстой и только умеет, что поворачиваться к тебе задницей. Усмехаюсь, закуриваю. Незнакомая стайка стоит недалеко, до меня доносится гогот. Здесь тошно, да, здесь всегда было тошно — мне и не хотелось сюда поступать. Хотелось на режиссерский. Я лежал каждый вечер и фантазировал: вторая камера по центру, третий дубль, стоп, снято.

Во двор выходит Славка. На самом деле, Ярослава, конечно, но Славка ей больше подходит — короткая стрижка, рубашка с закатанными рукавами, брюки с подтяжками. Пацаненок. Улыбается, идет мне навстречу. Славка не курит, никогда не курила — и смотрит на меня каждый раз с раздражением. Вот опять.

— Ты же обещал бросить, — говорит она с укоризной.

— Мало ли что я кому обещал, — во рту горько, на душе противно.

Она выхватывает у меня сигарету, делает одну длинную затяжку. Нет, Славка не курит, но вот так любит иногда — выхватит отраву из пальцев и давай.

— Славочка, верни, — тяну я.

Она возвращает сигарету, выпускает дым изо рта. У нее красивый рот. Был бы я художником, обязательно бы нарисовал. Или написал, как правильнее?

— Славочка, скажи, — сигарета тлеет между пальцами, — отчего люди не летают как птицы?

Она мрачнеет.

— Перестань, Паш, хватит. Тебе нельзя в этом вариться.

Безусловно, нельзя, но я варюсь. Тупая школьная программа — вьестся в мозг, колом не вышибешь. И это, кажется, тоже цитата. Тьфу. Я помню, с братом ходили на «Грозу». Нормальные люди — с классом, а я — с братом, так веселее, привычнее. Я сидел, вжавшись в кресло, всю пьесу зевал от скуки, а в конце вдруг страшно стало, и Гоша хохотал над моим выражением лица. Смешно, Гоша, непременно смешно. Я помню, как ты летел. Даже меня тебе не было жаль.

— Паш? — зовет Слава, заглядывает в глаза.

Заботливая.

— Здесь я, — сигарета летит в урну.

Соседи по курилке снова заходятся гоголом. Я кривлюсь.

— С какого они факультета, как думаешь?

— Идиотического.

— Здесь нет такого.

— Я бы поспорила.

Мы со Славой на лингвистике, гордость, так сказать, вся университетская. Слава на английском болтает задорно и до сих пор хохочет, что в десятом, еще в школе, ей поставили тройку — за американский акцент.

— А мне все равно было, из принципа не уступила бы старой мымре.

— Почему, Слав?

— В мелочах прогибаться начнешь, потом всегда будешь плясать под чужую дудку.

Слава всегда права, с этим я даже не спорю. А я прогибаюсь. Потому что выхода нет. Живу с отцом и пляшу под его дудку каждый раз, видя в нашей квартире очередную Венеру Милосскую. Венера потряхивает яблоками раздора, отчего немедленно возникает рвотный рефлекс. Я как могу притворяюсь, что ничего не происходит. Нет, это все лучше, чем с матерью. После смерти брата у нее появился этот несчастный, потерянный взгляд, и она всегда теперь смотрит на меня так, будто я могу помочь. Она всегда была странным существом, а теперь и вовсе — сумасшедшая. Ее любовник с крысиными глазками и редкой бородкой — честное слово, лучше на яблоки раздора любоваться! — вымогает у нее деньги неизвестно на что. Я попытался как-то ей намекнуть, мол, хватит, может быть, позволять ему сидеть на шее — так нет! Он же единственный ее понимает, поддерживает в трудную минуту. Без комментариев. В общем, с матерью у нас окончательно все разладилось: словно после похорон старшего сына, младший для нее тоже перестал существовать. Я прихожу к ней раз в месяц, чтобы окончательно не перерубить ниточку. Хотя иногда кажется, что давно пора это сделать.

— О чем задумался? — спрашивает Слава.

Я слабо ей улыбаюсь. В последнее время она — единственный человек, с которым я могу нормально поговорить.

— Завтра нужно будет к матери съездить, — я провожу рукой по волосам.

Они теперь закрывают шею и мешают страшно, но Славке нравится, и я не решаюсь их стричь. Хотя бы ей не все равно, как я выгляжу.

— Пошли, опоздаем на пару, — она берет меня под руку.

Если дворик наводит на меня тоску, то сам универ вообще вызывает желание никогда больше здесь не появляться. Тухлое местечко. Гнилые стены, повсюду

разруха, облупившаяся краска да потрескавшийся пол. Кому он нужен, этот пережиток прошлого, который каждый раз возвращает нас в ушедший век? Критический пафос из меня сегодня так и прет. Любую дверь я бы мог выбить одной левой, и это даже не хвастовство, а простая констатация факта. На столы неприятно что-либо складывать: многолетний слой грязи, кажется, уже невозможно отмыть. Мы со Славкой идем на самый верх, подальше от презрительных взглядов одногруппников. Славку они боятся.

— Успела собрать компромат, — улыбается она, обнажая белые зубы.

По каким это, интересно, закоулкам и вечеринкам, а? Все равно. Блондинистая Уля, похожая на не слишком породистую лошадь, бросает на меня брезгливый взгляд. Издает смешок. Зря, Уля, зря, думаешь, что я не помню, как на первом курсе ты клеилась ко мне, будто дешевая жвачка? Тогда я еще не добился такого пренебрежения. Тогда Гоша еще был жив.

— Что там у тебя с курсовой? — интересуется Славка вполголоса. — Сделал?

— Ага, глаза красные, руки дрожат — следствие напряженной умственной работы.

— Прекрати, — смеется она. — Я же знаю, так дальше первой страницы и не продвинулся. А ее, между прочим, я тебе сделала.

— Могу расплатиться натурой, — шепчу я заговорщицки. — Денег нет, у отца просить стремно.

— Дурак, — она пихает меня в бок.

И не краснеет. Сколько я шучу так, сколько пошлостей могу ей наговорить — никогда не краснеет. Железная леди. Или пацаненок.

Историчка у нас — баба жесткая, боевой раскрас. Вид внушительный. Едва только завидишь, как она громоздко передвигается на своих каблучицах, хочется схорониться в далеком углу. Схорониться... Плохое слово.

— Я смотрю, сегодня все в сборе, — цедит Валентина Андревна, она же историчка, она же Валик, как ее кличут в народе. — Сегодняшняя тема...

Я отключаюсь. Черчу в толстенной, напоминающей саму Валик, тетради бессмысленные линии. Кривые, как моя жизнь. Вспоминаю с отвращением повиливающую бедерками девицу у нас на кухне в восемь часов утра. Идеальное зрелище перед учебой. Валику клюющие носом студенты неинтересны, она вещает увлеченно, с задором. Ударяет в запале кулаком по столу. Я вздрагиваю. Славка хихикает, уткнувшись в конспект.

— Мне опять тебе его пересылать? Пиши, давай, курилка.

Киваю. Записывать я, естественно, ничего не собираюсь. И, правда, думаю, нужно бы съездить к матери. Звонила вчера, плакала в трубку, а меня так и подмывало спросить: «Где же твой Сережа, крысячья его порода?!» Утешит, поддержит, плечо подставит в трудную минуту. Разбежались.

— Ты помнишь, куда мы идем сегодня? — возникает Славка спустя полчаса.

Конечно, помню. Что же у меня, совсем голова дырявая? На какое-то литературное, мать вашу, мероприятие. Вечер литературный, вот.

— Ну да, — во рту сухо и мерзко, на языке гадкие комочки.

Сплюнуть некуда, бутылка в рюкзаке — не будешь доставать. Вездесущая Валик все видит. Сглатываю, морщась.

— Тебе понравится, — уверяет меня Славка.

Я сомневаюсь. Был на паре подобных вечеров, опять же, с Гошей. Половина того, что я там услышал, оставило неприятный осадочек. Вторую половину я просто-напросто не слушал.

— Паш, перестань, а? Я пытаюсь спасти тебя от хандры.

— Это бесполезно.

— Попытка — не пытка.

Пытка, еще какая. Когда пытаешься кого-то спасти, а под ним лужа крови растекается и пульса нет. Самая настоящая пытка.

— У тебя леденца не найдется? — спрашиваю у Славки, наклоняясь ближе. — Пить хочется, с ума сойду сейчас.

У Славки в карманах полно всякой ерунды.

— Держи, — она выуживает леденец в аляпистой обертке и протягивает мне.

Во рту по-прежнему гадко. Я перекаत्याю конфету с одной стороны на другую, пытаюсь впитать сладковатый вкус — горло начинает приятно холодить. Мята с сахаром, вот как они называются, эти кругленькие горошинки в аляпистых обертках. Ненавижу мяту, люблю сахар. Да здравствуют ненужные подробности.

— Я тебе еще программку вчера выслала, — шепчет Славка.

Леденец у нее во рту провоцирует булькающие звуки.

— Программку чего?.. — переспрашиваю.

Громкий голос Валентины Андревны становится фоном, жужжит в ушах, вызывает тошноту.

«Учиться тебе надо, Паш, обязательно учиться, а то где потом пропадать будешь?» — говорил мне Гоша.

Оказалось, Гоша, зря ты учился. Пропадаешь теперь в известном месте. Что же тебя от полета образование не спасло?

— ...Вечера. Литературного, — Славка шуршит оберткой и берет еще один леденец.

Чуть улыбается, и я вижу на ее передних зубах прилипшие кусочки предыдущей конфетки. Два прилипших кусочка. Два яблока раздора у каждой девицы, осквернившей нашу квартиру. Что-то меня опять заносит не туда — и опять чересчур пафосно.

— А, да. Я пролистал, — даже не вру.

Хотя на кой мне все это случилось? Наверное, не хочу расстраивать Славку. Человечность неожиданно проснулась.

— Риваков, Ветрова, может быть, вместо меня лекцию проведете? — возмущается Валик.

Типичная фразочка типичной училки.

— Извините... — Неудачное движение — и леденец без спроса летит в горло. Я судорожно сглатываю, и на долю секунды меня прошибает страх — что, если...? Нет, о таком даже не стоит думать. Видимо, выгляжу я после этого не слишком хорошо, потому что Славка интересуется:

— С тобой все нормально?

Заботится. Я уже говорил.

— Леденец проглотил случайно.

— Осторожнее давай.

— Риваков, Ветрова! — рявкает Валик.

Возникает ощущение, что за этим последует жирное: «Заткнитесь», но она только бросает в нашу сторону гневный взгляд. Конечно, мы не стоим того, чтобы смотреть нам в лицо. Наплевать... Наплевать, что я мытарюсь здесь ежедневно, что я поступил не в тот универ, не слушавшись родителей и внимательного брата. Внимательного настолько, что однажды ему стало по-странному все равно, что будет со мной после его смерти.

— Переводами все больше зарабатываешь, — говорила мне мать, поджимая щедро накрашенные губы.

Красная помада, красные комочки в уголках рта. Эстетика, чтоб ее. Сейчас мать губы не красит, да и вообще выглядит паршиво. Вся ее красота оказалась пустышкой, стоило снять грим. Она сына потеряла, скажете вы, урод бессердечный.

А я потерял брата, чего уж там, невелики страдания. И почему ее горе ценится дороже моего? Завтра поеду к ней, посмотрю на ее крысиного хахала, на нее саму. Никаких комочков в уголках рта, никакого фальшивого блеска. Правильно говорят, несчастье обнажает настоящую сущность. Все мы оказались довольно уродливы.

Пара заканчивается, Славка тянет меня к выходу. В непроветриваемом коридоре еще более затхло, чем в аудитории. Такое ощущение, что леденец стоит в гортани, никак не желая проходить дальше. Вот так и тоска моя, как жалкая конфетка — мятная, только без сахара — сидит где-то наверху.

Пар сегодня больше нет, культурология отменилась, а это уже почти счастье. Вечер этот, на который меня зазвала Славка, начинается только через три часа, домой идти нет желания — да и не успею уже. Отец, наверное, на работе, хотя черт его знает, где он прохлаждается.

— Славочка, в кафе пошли, — говорю я, беру ее за руку.

У нее теплая ладошка, живая. Мы с Гошей в детстве тоже за руку ходили.

— Пошли, — Слава улыбается.

У нее красивый рот, и я не могу его изобразить, потому что рисовальщик из меня никакой, но могу поцеловать. Наклоняюсь, целую легоньку, как всегда. Вообще не разобрать, зачем, у нас же такая хорошая дружба. Просто хочется иногда. Нравится. Слава никогда не спрашивает, ей тоже нравится, смотрит с улыбкой и ничего не говорит. Стайка очередных курящих хихикает презрительно.

В кафешке посетителей мало. Народ трудится — кто на работке, кто в универе, одни мы, гаденыши свободные, балду пинаем. Вишневый сок и пирожные — как дети, честное слово! Это единственное, что может вернуть меня в беспечные годы на пару минут, а потом мятная конфетка без сахара, то бишь, тоска зеленая, возвращается... Вообще литературу я люблю, поэтому Славка и решила таким образом спасти меня от хандры. Какая это хандра, это почти болезнь! Но к современным трудам у меня много вопросов. Везде чернуха сплошная — еще хлеще, чем в классике. Бедный люд все ковыряют и ковыряют, а я думаю: жизнь и так тошная, не хватало при помощи книг заныривать в беспредельную жуть.

Пирожное вкусное, приятно холодит язык. Крем мгновенно превращается в сладкую жижу, стоит только облизать ложку. Славка отпивает сок, и над губами у нее появляются вишневые усы. Я аккуратно стираю их салфеткой. В голове возникает такая панорама — брата нет, семья развалилась, а я сижу со Славой в кафешке и пожираю пирожные. И сижу я только потому, что случившегося не исправишь, семью не починишь. Делать мне больше нечего, как здесь дурака валять.

— Я вчера на рассказ Гелприна наткнулся, — говорю.

У Славки на ложке — кусок сметанного торта, а в глазах — любопытство, мол, ну и что ты там такого начитал, умник?

— Эдакая антиутопия. Люди перестали читать книги. Совсем. А работа за интерес к ним, как его... Утилизировали.

— А в конце пришли дети и захотели учиться литературе, — Славка отправляет кусок в рот.

— Ты читала? — удивляюсь.

— Давно. Я вообще фантастику не люблю, Паш, — еще один кусочек оказывается на ложке. — Но этот случайно нашла. После меня хоть потоп, помнишь? Вот честно, пофиг. Мы все равно ничего не изменим.

Она, конечно, права, но от всего этого веет полнейшей безнадегой.

— Нравится, да? — спрашиваю зачем-то, указывая на торт.

— Вкуснотища. Ты же знаешь, я готова душу за них продать, Веснушкин, — смеется Слава.

— Знаю, пацаненок, — отвечаю.

Взаимный обмен колкостями закончен, хотя это, скорее, телячьи нежности. Самому противно, не поверите.

Слава откидывается на спинку дивана и поправляет воротник рубашки. От торта остаются крошки на тарелке. Сок в стакане отчего-то напоминает кровь.

Застрять бы здесь навсегда, в этой ламповой кафешке, Слава напротив, пирожные съедены, но можно взять еще. Здесь нет ноющей матери, отцовских недо-Венер и его самого, предпочитающего делать вид, что ничего не случилось. Идиотизм. Здесь возникает ощущение, что и жизни вокруг нет, точнее, она происходит не с тобой, а ты выбрал момент поудачнее и застрял в нем.

— Еще по пирожному? — спрашиваю.

Слава улыбается.

— Мне достаточно, — она берет стакан и делает глоток.

Сок растекается по стеклянным стенкам, будто краски на полотне.

Я медленно вспоминаю. Мне восемь, и брат гуляет со мной в парке развлечений. На дворе июль, жара, солнце припекает мне голову через тонкую кепку. Я хочу мороженое.

«Нельзя, — говорит мне Гоша, — нельзя, когда на улице такая жара».

Но я знаю, как добиться своего, видел, что он развлекается со смазливой девчонкой. И мороженое на палочке в тот день становится моим. У него вишневая начинка, и она оседает на губах, прилипает к зубам и стекает в горло — жара отступает. Во рту все сводит от холода, на улице слишком жарко. У меня липкие пальцы и счастливая душа. Гоша хмурится, глядя на меня. На следующий день я валяюсь с ангиной. Горло раскалено, болит страшно, глотать почти невыносимо, и я понимаю — ни одно мимолетное удовольствие не стоит своих последствий. Мне восемь, и я это понимаю, но пока не могу как следует сформулировать.

— Пошли, наверное, — говорит Слава, выдергивая меня из воспоминаний.

Встает из-за стола. Я не хочу никуда идти, я хочу навсегда остаться здесь. Я хочу остаться в этой самой минуте, Славочка. Сядь обратно. Давай посидим еще. Но я встаю и иду вслед за ней к выходу. У нее рубашка с огромным вышитым узором на спине — якобы модно. Красиво, в первую очередь. Огромная тяжелая дверь с глухим стуком захлопывается за нами. Отсюда до зальчика, где будет проходить вечер, идти примерно полчаса. Слава молчит.

— Расстроилась? — я не знаю, что еще ей сказать.

— С чего бы? — она смотрит прямо перед собой, слегка щурясь от заходящего солнца. — Просто жаль, что тебе не хочется туда идти.

— Хочется, — говорю я и даже почти не вру. — Просто я не умею это выражать, Славочка. Ты же знаешь.

Она усмехается. Мы идем по набережной. Здесь вода то ли черная, то ли темно-синяя от грязи, не поймешь. Резные перильца вот точно черные и засаленные, покрытые многовековой пылью. Я люблю этот город, хотя он и не отвечает мне взаимностью, давно показывая задницу.

Зальчик оказывается библиотечным, и находится он в обычном желтом здании. В зальчике — десять рядов жестких стульев, огромная люстра под старину, книжные шкафы на заднем фоне. Из приоткрытого окна доносится уличный шум. Мы садимся в самую середину — не слишком далеко, не слишком близко. Публика медленно подтягивается. Ни одного молодого лица. Современная литература молодежь не интересует. Какой-то брюхастый дяденька направляется к нам — я мысленно умоляю все сущее, чтобы он не приземлился рядом и не раздавил нас. Нет, я совершенно толерантен. Просто опасаясь за свое здоровье. Дяденька проходит на четвертый ряд и громоздко хлопается на крайний стул. Я выдыхаю. Какими незначительными проблемами мы живем, самому смешно. Постепенно

зал заполняется до отказа. Появляются и наши ровесники — три щебечущих подружки, молодой человек в строгом костюме, парень с разноцветными волосами и туннелями в ушах. И как людям не жалко себя уродовать? Впрочем, не мое это дело. Вся причина, по которой Славка притащила меня сюда, как я справедливо подозреваю, — Миша Кропоткин, ее бывший одноклассник. Она пришла, видите ли, поддержать его, а меня подхватила, чтобы я развеялся. Или чтобы мной перед ним похвастаться? Наверное, я преувеличиваю собственную значимость. Мы же просто хорошие друзья.

Первой выступает девушка. Волосы у нее желтые, канареечного цвета, вполне подходят этому зданию. Глаза густо подведены, линзы голубые, губы темно-фиолетовые. Интересный видок. Не осуждаю, но удивляюсь. Парень с туннелями улыбается, глядя на нее. По всей видимости, еще один поддерживатель. Второй — худенький паренек затравленного вида. Если он является олицетворением современной поэзии, я бы тоже подошел на эту, так сказать, должность. Миша следующий — я узнаю его, видел пару фото в сети. Кудрявые волосы вдоль лица, тонкие пальцы, сжимающие листки со стихами, взгляд человека, у которого все хорошо. У меня когда-то тоже был такой.

Миша принимается читать — голос приятный, высокий, немножко нечеткий. Захлебывается в словах, и все они, конечно же, о любви. Что еще писать такому пацанчику? Чувственно получается, ничего не скажешь, довольно талантливо. Я даже завидую. Сам иногда балуюсь стишками, показываю только Славке, вот она и решила, видно, меня отвести на вечер настоящей поэзии. Опускаю руку на Славкину коленку. Освещение здесь отличное, в любой момент кто-нибудь может это увидеть, но так даже интереснее. В конце концов, пока что все неотрывно пялятся на одного только Мишу. Славка тоже смотрит на него, но, тем не менее, улыбается. Хорошая реакция. Моя рука скользит выше, туда-сюда. Я, подобно всем, пялюсь на Мишу. У меня потеет ладонь. Убираю руку со Славкиной ноги. От обилия стихотворства ведет и подташнивает. Гоша тоже любил стихи, с особым вкусом декламировал Маяковского — это у него было такое для меня наказание. Я Маяковского ненавидел, да и до сих пор не слишком жалую. Даже нежность у него какая-то рубленая, нечеловеческая. Недостаточно нежная, если можно так выразиться.

— Давай свалим после его выступления, — шепчу я на ухо Славке.

— Давай, — соглашается она.

Еще пара стихов, думаю, еще пара стихов. Другой девочки с волосами канареечного цвета я уже не выдержу. На воздух, только бы скорее попасть на воздух. Рифма и духота — гремучая смесь. Окно давно закрыто, видите ли, шум мешает зрителям и выступающим. А мне мешает духота. Миша заканчивает — без пафоса, даже слишком скромно. Мне понравились его тексты, но я хотел бы прочесть их в более удобной обстановке. Плохо воспринимаю на слух незнакомое. Мы выходим на улицу вслед за ним.

— Миша! — окликает его Слава. — Здорово было.

Он смущается, и я пока не понимаю, искренне или нет.

— Спасибо. Очень рад, что вы пришли.

— Это Паша, я тебе о нем говорила.

— Да я уж понял, — Миша с улыбкой протягивает мне руку, и яжимаю ее.

Она теплая, влажноватая и живая.

— Приятно познакомиться, — говорю я.

— Взаимно. Вы извините, мне так неловко, я сегодня не смогу посидеть. Важная пара с утра.

Ему сколько, двадцать? И он беспокоится из-за пары. Золотой человек!

— Давайте завтра пересечемся где-нибудь? Слав, я тебе напишу. Простите еще раз, — он приобнимает ее на прощание и кивает мне.

— Пока.

Я смотрю ему в спину.

— Славочка, я у тебя сегодня переночую, ладно? Домой не хочется.

Это правда. Отец там, поди, опять развлекается с очередной красоткой. Правда, последний месяц она что-то никак не меняется.

— Конечно, Паш.

Я достаю телефон и набираю отцу смс. Вроде как надо предупредить.

«Твой папочка в душе», — приходит ответ через пару минут.

Как пошло и мерзко. Как банально. ****ство.

— Пошли? — Славка заглядывает мне в лицо.

Я снова легонько ее целую. Потому что необходимо. Потому что противно и одиноко.

— Пошли.

ГЛАВА 2

Терпеть не могу метро. Резущие запахи бьют в нос, сквозняки обдувают со всех сторон, и от этого не легче, ни капельки не легче, потому что ты стоишь в футболке, насквозь промокшей от пота, по вискам течет, под носом влажно — несусветная гадость. А сквозняк только обеспечивает тебе простуду. Сначала я трясусь в поезде, прижатый с двух сторон необаятельными пассажирами. Справа тетка лет пятидесяти прожигает взглядом сидящую девушку, мол, уступи место старухе, гнида поганая, слева — дяденька раскачивается, уткнувшись в электронную читалку. Что там у него? Донцова, Маринина, Кинг? Надеюсь, Кинг. Подглядываю к нему в экран, любопытно же, что народ читает. Кинг все-таки — честь и хвала тебе, дяденька. В такой приятной компании я трясусь четыре станции — а потом выхожу, чтобы перейти на другую линию.

«Давай я поеду с тобой», — предлагала Славка, но я отказался.

Конечно, в метро вдвоем веселее, одному здесь вообще нечего делать, но я не хочу, чтобы Славка встретила с моей матерью. Не хочу, чтобы она видела ее такой. Опустившейся, что ли. На другую линию идти в толпе — не сахар. Люди вокруг злобные, сосредоточенные, будто утро понедельника на дворе. Впрочем, они всегда одинаковые — на работу никто не стремится, но надо. Дяденькам с электронными читалками, злобным теткам, стремящимся искусственно себя старить в глазах окружающих ради заветного места. Женщинам под тридцать, едва успевающим разорваться (дом — детсад — работа), тоже надо. А я еду к матери. Потом — в универ. Потом — Славка обещала прислать адрес — на встречу с Мишей. Миша — поэт, другая среда, другие люди. Другой круг интересов. Где он учится? Кажется, на журналистике. Поди, сам выбрал, не то, что я. А мне навязали — я и послушался.

Стою, жду поезд. Кажется, веки уже слипаются от духоты. Футболка промокла, пиджак не снять — надует. Так маменька говорила. Я ей верю, и ей, и брату, особенно после того случая с мороженым. Ловлю себя на мысли, что, если бы можно было остаться у Славки до пар, я бы остался. Не поехал бы к матери. Но надо. Обещал же. Хотя возникает ощущение, что в следующий раз она точно меня не узнает.

Еще одна причина, по которой я не люблю метро — здесь всем до всех есть дело. Вроде бы должно быть пофиг, куча народу проходит мимо, но нет — они смотрят, разглядывают, изучают тебя, даже словно просвечивают насквозь. Это выбесивает. Это мерзко. И сколько не говорит мне Славка, мол, какая разница, ты их больше не встретишь никогда, все равно мерзко. Тетки смотрят с осуждением. Девушки, искусственные с головы до ног, все измалеванные и напудренные, кокетливо взирают — как там пишут в большой литературе? Из-под опущенных ресниц? Не

представляю, как это выглядит на деле. Но девицы смотрят, да, а попутно ловко листают ленту в инстаграме. Инстаграмные чики. Аж воротит. Хотя сам я грешен селфи, ничего не попишешь. Раньше был, во всяком случае.

Остается одна станция. Я плюхаюсь на освободившееся сиденье под осуждающим взглядом уже другой тетки. Этой на вид лет сорок. Рано вам в старухи записываться, фрау-мадам. Телефон жужжит в кармане. Сообщение от Славки: «Доехал? На пары не опоздай». Не опоздай, Славочка, даже раньше постараюсь умотать от матери. Думаешь, мне там засиживаться хочется?

От метро до материной квартиры пешком минут двадцать. Сажусь на маршрутку, чтобы сэкономить время. Быстрее доеду — быстрее отмучаюсь. Дом старый, обшарпанный, в подъезде — как во французской канализации. Не то чтобы мне доводилось там побывать, но представление имею. Дверь у матери новая, выделяется на фоне соседских. Недавно заменила, боится, обокрадут. Красть особо нечего. Лучше бы деньги поберегла, хахалю не давала. Крысиная морда, только бы не столкнуться с ним сейчас. Опять губешки подожмет презрительно, глядя на меня. Чья бы корова... Звоню, шагов за дверью не слышно. Плотная. Мать, видимо, смотрит в глазок, мешкается, но потом открывает.

— Паша, пришел. Проходи.

Не могу слышать ее дребезжащий голос. Не могу. Знаешь, Гоша, наша мать умерла, когда узнала, что тебя больше нет. Спасибо, отнял последнее.

У нее в квартире не грязно, нет, но на всем налет запущенности, как и на ней самой. На шкафу в коридоре, на вешалке, на коврик у порога. И она сама, в зеленом платье, как будто двести лет уже прожила. И не старая ведь. Тянет ко мне свои белые худые руки, а мне противно — и от нее, и от себя. Я хочу обратно, к Славке. К ее теплой ладошке и красивому рту. Но я здесь, далеко от них, словно в другой реальности. Здесь нет ни красоты, ни тепла, ни острых коленок. Сплошные запущенность и разруха.

— Будешь чай, сынок? — спрашивает мать.

Я терпеть не могу это обращение. Оно напоминает мне о временах, которых больше нет. Я терпеть не могу чай, который она пьет. Но что-то во мне не позволяет ее расстраивать даже по мелочам. Она слишком много пережила. Сначала Гоша, потом неизбежный развод. Ты виноват, нет, ты виновата. И я, застрявший между двух огней. Отец со своими Венерами и полусумасшедшая мать. Отец достаточно платит мне за терпение. Мать только ноет, когда у нее плохое настроение, и молчит, когда настроение становится чуть лучше. Небогатый выбор.

Кухня наводит зеленую тоску. Или белую — как посмотреть. Стены здесь выбелены и до половины покрыты однотонным кафелем. Потолок тоже выбелен. Пол в морщинках и царапинах, в редких хлебных крошках. Обитателям этой квартиры все равно. В углу валяется тряпка — когда-то и она была белой, но теперь имеет грязно-серый оттенок. Стол покачивается на расшатанных ножках, скатерть заляпана редкими пятнами и местами липкая от варенья. У чашки, которую дает мне мать, аляпистый цветок на боку и отколот кусочек. Я молчу. Наливаю чай — он булькает, слегка пузырится и принимает грязновато-бурый оттенок. Приятного аппетита. Печенье в засаленной вазочке жесткое, но я беру одну штуку. Мармелад застыл и теперь похож на резину. Вьезет на зубах.

— Как у тебя дела? — спрашивает мать тихим голосом.

Отпад, мам. Особенно в твоем присутствии жизнь сразу приобретает яркие краски. Солнечный луч бьет в давно немытое окно. Я щурюсь.

— Нормально.

— Так с Ярославой и общаешься? — она поджимает губы.

Со смерти Гоши они не виделись, но мать ее не любит. Дурное влияние, видите ли. Не дурнее, чем твое, мам.

— Общаюсь.

Целую иногда, хочется сказать. Резвлюсь. У Славки дома хорошо, особенно когда родители с братиком уезжают. Брат ее — мелкий засранец, мы друг друга недолюбливаем. Я отпиваю глоток и поднимаю глаза на мать. Ее рыжие волосы, доставшиеся мне, забраны в пучок. Потускневшие и блеклые, когда-то они спускались по ее спине огненной лавой. Кожа бледная, с голубыми прожилками — сколько я себя помню, у матери никогда не было веснушек. Веснушки — это вообще неблагородно, неаристократично, по-плебейски. Так считает мать. А Славке нравится. Она целует мой нос, покрытый пятнышками, а мне приятно и щекотно. Надо было все-таки остаться сегодня у Славки и не ездить сюда. Вообще никогда сюда больше не ездить.

— Как отец? — Мать смотрит в окно.

Притворяется, что это дежурный вопрос, интерес из чистой вежливости, но я знаю, что это не так. Я знаю, ей хочется, чтобы отец загнулся. Чтобы приполз к ней просить прощения. Банальщина.

— Нормально. — Я беру еще одну резиновую мармеладку. — Девиц меняет. Последняя вот уже на месяц задержалась.

И зачем я все это матери рассказываю? Побесить, наверное.

— Погряз в распутстве, — хмыкает мать.

Кто еще из вас хуже.

— А Сергей где? — спрашиваю.

Мать поворачивается ко мне.

— На работе. Ему, как твоему отцу, с неба не валится.

Она берет чашку с таким же тупым рисунком, как у меня, и отпивает бурюю воду. Чай почти безвкусный на самом деле. Окрашенная вода.

— Учеба хорошо?

Хорошо. Долги сдал. От сессии до сессии живут студенты — нет, не весело. Но сойдет.

— Пока не вылетел, — усмехаюсь я. — Держимся.

— Нечего тебе делать с этой девочкой, — говорит мать.

Если бы не эта девочка, я бы уже, наверное, за Гошей последовал. Хотя не стоите вы того, чтобы из-за вас летать. Славка — единственная, кто держит меня на плаву, но заставить отпустить случившееся пока не может.

— Почему же?

— Тебе нужна нормальная компания. Общение. Друзья, — материн голос дрожит.

— У меня это было. Если не друзья, то уважение одноклассников. А потом Гоша прыгнул, я скатился...

— Не смей его обвинять! — начинается истерика.

Моя любимая часть каждого нашего разговора.

— Ты не можешь знать, что он пережил...

— Какая разница, если он всех нас лишил жизни своим поступком?

Мать хватается за голову. Ее плечи вздрагивают. Конечно, Гоша был ее любимым сыном, а я родился непонятно зачем. Никчемный придаток. А теперь еще и смею в чем-то Гошу обвинять.

— Я пойду. Спасибо за чай...

Помню, праздновали Гошино двадцатилетие. Мне было двенадцать. Учился я средне, на четверки — и слава Богу. Не потому, что не мог, а потому, что особого желания не было. Порыва, что ли. Гоша тогда уже был надеждой семьи, гордостью и главным материным делом. Я болтался на задворках, не слишком понимая, зачем нужен здесь. Но брата любил, тянулся к нему, он даже казался мне каким-

то неземным, небожителем. Теперь-то он точно оправдывает это детское впечатление. В общем, его двадцатилетие отмечали бурно. Главный праздник семьи Риваковых, можно сказать. Понаехали двоюродные тетушки и дядюшки, троюродная сестра (нет, пусть будет кузина!) с громким именем Стелла и простецким отчеством Степановна. Стелла Степанна. О чем думали ее родители? Гоша, значит, сидит во главе стола, будто царь, оглядывающий своих подданных — верных и не очень. Стелла с розовым блеском на губах и жирной тушью неэстетично ковыряет куриную ножку. Ножка потом окажется под столом, не выдержав экзекуции. Я разглядываю Гошу. Он всегда был красавцем — по мнению окружающих. Видным парнем. Это я в двенадцать страдал от припухлости и тщетно пытался втянуть в себя щеки, а потом вырос в худую девочку. Впрочем, меня устраивает.

— Ты чего печалишься, мелкий? — спрашивает Гоша.

Гости ржут и веселятся, а я сижу в углу на диване. В зеркальной двери напротив отражаются мои огромные, как мне кажется, щеки.

— Я всегда такой буду? — интересуюсь я.

Мне двенадцать, и это единственная проблема, которая меня беспокоит.

— Какой?

— Страшный.

Гоша улыбается.

— Вырастешь — увидим.

— Я никому не нравлюсь, — ною я.

— Мне нравишься, — уверяет Гоша, садится рядом и треплет меня по макушке.

У него отцовские темные волосы, а я — рыжий цыпленок. И нос разрисован дурацкими веснушками...

— Может быть, посидишь еще чуть-чуть? — говорит мать, и я возвращаюсь в действительность.

Смысл? Послушать твое недовольство Славкой, которую ты толком не помнишь и не знаешь? Стать свидетелем очередной истерики из-за Гоши?

— Боюсь опоздать в универ. — Это правда.

Я везде и всюду боюсь опоздать — после того, что случилось с Гошей.

— Когда ты снова приедешь? — в узком коридоре еще хуже, чем на кухне. Полумрак — и далеко не романтический — кое-как скрывает пыль и вездесущую труху. Она чувствуется даже в воздухе. Эта квартира будто застряла в прошлом — моя мать съехала отсюда в двадцать, и с тех пор ничего не поменялось.

— Пока не знаю. Дел много.

Дел толком нет, но я придумаю что угодно, дабы оттянуть следующую встречу.

— Тебе совсем не хочется меня видеть? — шепчет мать.

Надо же, какая пронизательность. Я разглядываю нитку на рукаве ее платья. Худую шею, впалые щеки и тоскливые глаза. Морщины на лбу. Она вся тусклая и однообразная, как сепия, поблекшая от времени.

Я не представляю, что ей ответить. Меня спасает звонок. Мать возится с телефоном, не попадая с первого раза в нужную кнопку.

— Да?

Я слышу в трубке мужской голос. Хахаль, наверное. Сейчас припрется еще, начнет нотации читать, как я мать не люблю и не уважаю. Она ему все время жалуется, как же иначе.

— Сережа приедет через десять минут, — говорит она, кладя мобильник на тумбочку.

Сережа. Ласково как. Тогда мне точно лучше уйти.

— Отлично, — я обуваюсь, подставив палец под пятку.

Без ложки. Как в детстве.

— Давай, звони. Не болей. — Какая несусветная ерунда. А что мне ей пожелать? Что сказать на прощание?

— И ты, сынок, — она давит из себя улыбку.

Ненавижу. Терпеть не могу это обращение, так и режет уши.

— А с этой девочкой я бы на твоём месте...

— Разберусь, — обрываю я мать. — Не маленький.

И чем ей не угодила Славка?

Прежде чем начнется новый виток истерики («Как ты с матерью разговариваешь?»), я выхожу, прикрывая за собой дверь. Спускаюсь пешком на первый этаж. В подъезде отвратительно. Я выбегаю на улицу, набираю Славке.

— Ты скоро там? — выдает она недовольно.

— На остановку иду, Славочка. Не опоздаю, обещал же.

— Ну-ну, — фыркает она в трубку. — Давай, Веснушкин, я без тебя гнить на парах не собираюсь.

Все, гудки. Я действительно иду на маршрутку, а навстречу мне топает хахаль Серега. Я киваю, но он делает вид, что не замечает этого и с гордо поднятой головой шествует мимо. Вот крыска, а? Метро трясет меня так же, как и по дороге к матери. Народу немного поубавилось. Я сижу, уткнувшись в новостную ленту фейсбука. Можно сказать, фейсбук непопулярен среди молодежи. Ни один мой одноклассник здесь не сидит, но я сижу, потому что мне интересно. Интересно литературное сообщество — я читаю здесь критиков, писателей, поэтов. Фейсбук — тесный и одновременно широкий мирок людей искусства. Я читаю здесь рассказы одного канадского автора. Заглядываю к чешскому поэту за новыми строчками. Читаю, как громят очередной роман Пелевина, хотя ни одной книги его не открывал. Не хочется. И тут мне приходит мысль: Миша, наверное, тоже здесь сидит. Может быть, даже публикует иногда стихи. Собачится в комментариях с критиками. Хотя нет, вероятно, он не из тех, кто собачится. Он просто удаляет и блокирует, чтобы не растратить, так сказать, поэтическую энергию.

Быстро нахожу его страницу. Целая тысяча друзей, подписчики, лайки. Комментариев немного — чистит, значит. Я был прав. Последний пост недельной давности — стихотворение, которое Миша читал вчера. Действительно, в таком формате его тексты воспринимаются лучше. Задевают сильнее, что ли. На аватарке он с сигаретой в мундштуке. Позер, усмехаюсь я. Серьезное выражение лица, взгляд в душу. Ну все, товарищ, убедил. Истинный творец. Читаю еще пару стихов и лениво кликаю на «Добавить в друзья». У меня на странице информации мало — аватарка, несколько фоток со Славкой, пара постов. У Миши стена изъедена стихами. Фоток тоже мало. Пора выходить. Закрываю фейсбук, мобильник возвращается в карман. В наушниках играет фортепианная соната Вайнберга. Депрессивно-озлобленная музыка, но после разговора с матерью сойдет. Славка встречает меня у метро. Улыбается и не спрашивает ничего. Не надо спрашивать. Протягиваю ей наушник. Она прикладывает его к уху и морщится.

— Паш, ну, что это? Ты же знаешь, я не выношу...

— Знаю, — ухмыляюсь я, убирая наушники с глаз долой. — У меня в метро просто было подходящее для этой музыки настроение.

— Это не музыка, — ворчит Славка. — А теперь у тебя что, настроение изменилось?

— Конечно, — я слегка улыбаюсь. — Слушай, Славочка, а давай свалим? Неохота сегодня на пары.

— Ты совсем обнаглел, да? Едва из долгов вылез, снова за старое?

— Ну Слав! — еще ни разу ей не удавалось устоять.

Мой умоляющий тон и щенячий взгляд действуют безотказно.

— Пошли лучше пирожные лопать.

— Вчера лопали, — укоризненно отмечает Слава.

— Пофиг.

— Может, лучше в кино?

— Я не против, лишь бы не в универ.

— Ох, Паша, трудно с тобой, — притворно вздыхает Славка. — И устоять невозможно против таких соблазнов.

До кино несколько станций. Опять спускаться придется, но со Славкой все по-другому. Я не обращаю внимания на окружающих, хотя кажется, что нас разглядывают. Славка стоит в уголке у двери, я пристраиваюсь сбоку и хватаюсь за поручень. Славка рассказывает случайно пришедшую на ум шутку и смеется. Я тоже смеюсь, мне хорошо, и почему бы не притвориться, что я не был утром у матери. Почему бы не притвориться, что моя жизнь ни капельки не изменилась, и Гоша позвонит через час. Он просто уехал по делам.

— Что смотреть будем? — спрашивает Славка.

Мы стоим на эскалаторе. Здесь она может быть выше и грозно нависать надо мной. Славка целует меня в нос. Я был не прав, когда сказал, что мы редко целуемся. Часто. Просто это в порядке вещей и никак не мешает дружбе.

— Там что-то про зомби идет.

— Гадость, — морщится Славка.

— Осторожно.

Она разворачивается и сходит с эскалатора. Я — вслед за ней.

— И чем тебе зомби не угодили? Ходят себе, рычат, кожа с них летит хлопьями...

— Паш, ну прекрати. Меня сейчас вырвет.

— На мелодрамищу точно не пойду.

— Это ультиматум? Я и не предлагала. Давай на авторское.

— Давай.

Скучно, наверное, зато без клишированных соплей. И без ненавистных Славке зомби. Билеты берем на последний ряд, так удобнее фильм смотреть. Отвлекаться — тоже. И хотя я большой любитель похрумкать во время просмотра — особенно на тихих и ключевых моментах — рука не поднимается. Авторское все-таки.

— Я тебе говорил, надо было в кафе идти. Или погулять, на худой конец. Что это такое?

Пятнадцать минут фильма, действия — ноль. Часы тикают. Актриса курит. Воздыхатель застыл в кресле, изредка поднимая на нее взгляд.

Если нужно снимать такое, чтобы прослыть настоящим режиссером, лучше барахтаться на лингвистике. Уж поверьте.

— Веснушкин, — шепчет Славка. — Хочешь, пойдём на другой сеанс.

— Ладно, досмотрим уже.

Мне становится все равно. В зале пахнет попкорном, старыми креслами и дешевой обивкой. В детстве Гоша водил меня в кино. Не понимаю, как старшим не надоедает нянчиться с младшими, но он уделял мне довольно много времени. Последний раз я ходил с ним на фильм, когда мне было шестнадцать. Гоша был со своей подружкой — и зачем-то решил взять с собой меня. Она вроде бы не была против. Я чувствовал себя неуютно в компании таких «взрослых» людей. Гоша много шутил, девица гоготала, я старательно улыбался. Даже не помню толком, что мы тогда смотрели — наверное, очередную лавстори. На что еще водят таких девиц? Я так и не понял, с какой стати был там нужен, но вечер прошел сносно. Правда, подружка потом куда-то запропастилась — надеюсь, не из-за меня. Со Славкой мы ходим в кино примерно раз в месяц. Ей нравится, мне нормально. Надо же чем-то заполнять пустое пространство.

Картинка на экране меняется. Славка смотрит на меня, изучает. Она вообще любит изучать, особенно людей, иногда это напрягает. Улыбается мягко, прижи-

мается ближе. Народу мало. Зал заполнен полумраком. В нем уютно и даже надежно. Я остался бы здесь в окружении старых кресел, если бы мог. Время как будто перестает существовать. Славка находит губами мою шею. Я вздрагиваю. Меня заполняет изнутри что-то приятное и знакомое. Застываю, чтобы ничего не испортить. Теплая Славкина рука находит мою и легонько сжимает. Еще один поцелуй. И еще. И еще.

— Веснушкин, — говорит она еле слышно.

Я поворачиваюсь к ней лицом. Теперь можно. Целую в уголок губ. В середину рта. Целую подбородок, смешную ямку над верхней губой и кончик носа. Рука ложится на Славкино колено. Я знаю, что ей нужно, мне тоже нужно — нестерпимо. До конца сеанса остается, наверное, час. Ужасно много. Ужасно мало.

— Пойдем отсюда, — шепчет Славка, дергая меня за руку.

Мы осторожно прокрадываемся к двери — на свободу.

— Куда ты хочешь? — спрашиваю.

Славка пожимает плечами.

— Ты сегодня тоже домой не поедешь?

— Не знаю пока, — вздыхаю я. — Надо появляться иногда, а то отец взбесится.

Правда, в этом я не уверен. Возможно, ему вообще плевать — сидит там со своей Венерой.

— Славочка, — тяну я. — У тебя родители с братом уже вернулись?

— Миша должен скоро позвонить, неудобно. Договорились же, — Славка гладит мою руку своей горячей ладонью.

Как я мог забыть.

— А ты чего сразу опечалилась, Василиса Прекрасная? — усмехается Славка.

— Грустно мне, Иван-царевич. Как высвободишь себе денек для всяких глупостей, так Серый волк тут как тут.

Только Миши мне сейчас и не хватало. А как все замечательно складывалось... Вспоминаю, что зафрендил его на фейсбуке. Добавил, интересно? Славкин мобильник трезвонит через полчаса. Мы как раз прогуливаемся по набережной.

— Мишка, привет. Где? Скоро будем.

— Каково место назначения? — ехидно интересуюсь я.

— На Невский поехали. Там найдемся.

ГЛАВА 3

— Когда ты уже наконец приедешь! — возмущается Славка, топая ногой.

Мы стоим на остановке уже минут десять и ждем автобус. Автобуса нет. Мне все равно. Я обнимаю Славку, лениво разглядываю людей вокруг. Жизнь замечательна, пока ты не начинаешь задумываться о произошедшем. Пока память не подбрасывает тебе самые удачные картинки прошлого. Из них, как из дешевых пазлов, купленных в детском магазине на углу рядом с домом, складывается история. Изображение отклеивается, и остается только серая бумага.

— Скоро, — говорю я.

Конечно же, мне невдомек, когда он на самом деле приедет, но человека обычно успокаивают такие слова. Как будто ты действительно знаешь и можешь за это отвечать. Я не хочу встречаться с Мишей. Не хочу. Потому что вспоминаю его культурный видок на литературном вечере, его щепетильно подобранный образ. Правильный мальчик из благополучной семейки. Ни одного лишнего жеста, ни одной бездумно произнесенной фразы. Никакой спонтанности. Я говорил-то с ним всего пару минут, но уже понял, что он — не раздражает, нет. Просто явился из другого мира, где я тоже был счастлив побывать когда-то. У меня тоже была видимость некоего «все в порядке» — до определенного момента. Я не смогу вер-

нуться в то время, даже мысленно, и понять Мишу. Он не сможет понять меня. Он не видел, как летит его брат (если у Миши вообще есть брат), не видел кровавой лужи на асфальте. Замершего взгляда и безвольно раскинувшихся рук.

Славка стоит спокойно, расслабленно. Я продолжаю ее обнимать. Она всегда такая, любит улыбки и нежности. Сама меня поцеловала — еще на первом курсе, во время новогодней вечеринки. Где же еще целоваться несчастным студентам? Тогда она звала меня воробушком — у меня была короткая стрижка и вид вчерашнего школьника. Славка меня задела — своей открытостью, прямолинейностью. Чуть наплевательским отношением к окружающим. Точнее, к их мнению. К их словам и разговорам. Мне бы у нее поучиться, думал я. Она меня увлекла, а большего было не надо.

— Веснушкин... — улыбается Славка.

Открыто, мягко, слегка насмешливо.

— Хочешь, я позвоню Мише и все отменю?

— Неудобно же, сама говорила.

Момент упущен.

— Ну да, точно.

Тетка рядом тревожно пялится в телефон. Они везде, они повсюду, эти недовольные тетки. Засасывают нас в свое пространство. Вот она поднимает на меня тревожный взгляд, хмурится. В телефоне, видно, расписание. Расписание не работает. Автобус опаздывает. Славка, жаркая и нежная, вырывается от меня. Проходит вдоль остановки туда-сюда, смотрит в небо, а я — в нее. У Славки трезвонит мобильник.

— Опаздываем безбожно, Миш, — хохочет она в трубку.

Смирилась уже с этим досадным фактом. Зеленоватый автобус с засаленным лобовым стеклом все-таки двинется по направлению к нам.

Слава возвращается ко мне.

— Кропоткину все равно, — говорит она. — У него день свободный.

Да провались он. В автобусе жарко. Из окна поддувает теплым. Волосы лезут в рот.

— Обрежу нахрен, — бешусь я.

Славка аккуратно убирает их с лица, заправляет мне за уши.

— Не позволю, Веснушкин, — шепчет она. — Красота же.

— И что сделаешь?

— Запру в комнате без ножниц.

Смотрит угрожающе, будто и правда это сделает. Я смеюсь.

— Ладно, пошутил. Простишь?

Славка вздыхает. В ее взгляде появляется нечто неуловимое, и я не успеваю понять что.

— Нам еще несколько остановок здесь поджариваться, — ворчит она вместо ответа.

Гладит по руке. Кажется, будто она хотела сказать другое, но передумала. Что, интересно? Я вспоминаю другой день и другой автобус. Мне шестнадцать, и я еду на встречу с одноклассницей. Мы вроде как вместе, точнее, она так решила — и разболтала всем и вся. Вроде бы нравится, но я не уверен. Выхожу у кинотеатра и вижу другую — джинсовая куртка, узкие брюки, длинные волосы. На вид — одного со мной возраста. Смотрит немножко нагло, немножко застенчиво — странное сочетание. И улыбается. Я никогда не знакомлюсь на улицах, я жутко труслив, но хочу подойти к ней. Пялюсь в нерешительности. Одноклассница вырастает передо мной неожиданно, утягивает за собой — я теряюсь, а когда оглядываюсь назад, уже поздно. Кляню себя, кляню дурочку Наташу — так, кажется, зовут мою недоподругу. День безнадежно испорчен. Больше в кино мы с ней не ходим, и

я обретаю в классе дурную славу. А ту девочку у кинотеатра узнаю два года спустя по одной только улыбке. Нет больше ни длинных волос, ни узких брюк, ни джинсовой куртки. И до сих пор не решаюсь спросить, узнала ли она меня.

Слава смотрит в окно.

— Куда пойдем, решили? — спрашиваю.

— Посидим где-нибудь, наверное, — она пожимает плечами.

— Ты чего грустишь?

— Вспомнила, как мы устроили пижамную вечеринку у меня дома. Здорово было, правда?

Киваю. Да, было здорово. И к Славке меня тогда отвез Гоша. Ухмылялся все понимающе, я его чуть не ударил. Мы со Славкой смотрели американские комедии, хохотали, усыпали всю постель карамельным попкорном. Потом врубили музыку на полную катушку и танцевали дикие танцы, пока к нам не вломились разъяренные соседи снизу. Одиннадцать ночи на дворе, как можно, сволочи малолетние, где ваши родители? Славка продолжала хотеть, а потом торжественно пообещала, что такого больше не повторится. Они ушли, а мы целовались, сидя на подоконнике, и угорали над тупыми шутками в сети. Друзья, как-никак.

— Остановка «Невский проспект», — объявляет запись ледяным тоном.

Приехали.

Выходим из автобуса. Первый, кого я вижу, и есть Миша, но сегодня он резко отличается от застенчивого поэта. Свободная худя, черные джинсы, кольца на обеих руках, растрепанные волосы — все это далеко от образа приличного мальчика, которым он показался мне вчера. Теперь Миша — свободный художник, вольный и раскрепощенный, довольный собой. У него нет проблем, нет поводов волноваться. Весь мир у него в кармане.

— Привет, — счастливо улыбается он, живенько обнимает Славку.

Они целуются в обе щеки. Я думаю, они же бывшие одноклассники, наверное, однажды между ними что-то мелькнуло. Хотя, какая теперь разница.

— Паша, — он пожимает мне руку.

Довольный такой, даже чуть подпрыгивает. Живчик. Подозреваю, дома у него все зашибись, любимый сынок, правильные родители. Может быть, даже единственный ребенок в семье. Такие обычно — единственные.

— В «Зингере» посидим? — спрашивает Миша, выживая из кармана последний айфон.

Хватит понтоваться, ну, инстаграмная чика выискалась. У меня такой же.

— Мама пишет. Волнуется все время, не могу, — он устало вздыхает.

Миша, дорогой, как же тебе повезло. Жаль, что ты этого не понимаешь.

— Давайте, — поддерживает Славка. — Заодно прикуплю себе что-нибудь, а то в последнее время совсем мало читаю. Леня заела.

— Разве тебе скетчбук новый не нужен? — спрашиваю.

— В смысле? Я еще старый не закончила.

— Не знаю, ты обожаешь их собирать.

— Иди ты.

Славка действительно обожает скетчбуки, блокноты на кольцах, записные книжки и прочую мишуру. У нее в тумбочке целые горы навалены — каждая заполнена только на две страницы.

— Обложка красивая, — каждый раз пожимает плечами Славка. — Пригодится.

В «Зингере» народу много, хоть и будний день, в основном иностранцы. Нам удается занять дальний столик.

— Я кофе хочу, лавандовый эклер, яблочный пирог, лимонный десерт и...

— Не лопнешь? — хохочу я, мазнув поцелуем по Славкиному виску.

Пусть Миша смотрит. Почему-то мне хочется, чтобы он смотрел.

— Не перебивай. И чизкейк.

— Я боюсь за твою фигуру, — издеваюсь я.

— А я боюсь за твои зубы.

— Почему?

— Выбью, Пашенька, — она целует меня в подбородок.

Вот и весь разговор. Мы делаем заказ. Миша сидит напротив и копается в телефоне. Потом благоразумно убирает его обратно в карман.

— Извините, нужно было ответить. Так о чем мы?..

— Во-первых, мне очень понравились новые стихи, — говорит Славка. — Я, конечно, видела их в фейсбуке, но живую они звучат по-особенному. Здорово, одним словом.

Как по мне, все наоборот. Когда не видишь текста, строчки в голове не складываются в единое целое.

— А ты что думаешь, Веснушкин?

— А я как раз сегодня прочитал их в фейсбуке. И в напечатанном варианте они больше меня впечатлили.

— Кому как удобнее, — отвечает Миша. — Спасибо. Я, кстати, тебя добавил, — обращается он ко мне. — Только лайкать не забывай, а то вылетишь.

Сарказмирует еще. Шутит.

— Я уже испугался.

Миша улыбается. Многообразие вкусняшек заполняет стол. Славка откусывает эклер, а потом протягивает его мне, чтобы я сделал то же самое. Из ее руки. Миша не смотрит, ему пришло уведомление, и он снова завис в телефоне. Парень за соседним столом, как мне кажется, похожий на Гошу, смотрит на нас с ухмылкой. В его виляющей бедрами девице я узнаю отцовскую Венеру двухмесячной давности. Память хорошая, особенно на то, что бесит. Венера бросает на меня быстрый взгляд и, похоже, не узнает.

Я рассеянно кусаю эклер.

— Вкусно? — спрашивает Славка.

Не люблю лавандовые, честное слово. Извращение в них какое-то есть. Но Славка любит. Наверное, за привлекательный вид.

— Неплохо.

— У тебя весь рот в креме, — она протягивает мне салфетку.

Зачем она ведет себя так при Мише? Или это просто я неправильно все воспринимаю?

Миша сидит напротив с чашкой кофе и банановым десертом.

— А где ты учишься? — спрашиваю я.

— В консе, — Миша стучит пальцами по столу.

Перебирает, будто на фортепиано.

— Задолбался немного, честно говоря.

Если бы ты знал, как я задолбался, товарищ.

— Сам выбрал?

— Сам. Так сказать, подписал себе приговор, — ухмыляется он.

— Надоело?

— Да нет. Просто скучно очень.

Зато на нашем факультете не соскучишься. У меня так вообще одна движуха — братца нет, мать съезжает с катушек, отец таскает домой силикон. К Славке не переедешь, ее родители против. Весело.

Яблочный пирог Славка пожирает, не моргнув глазом. Я ем свой медленно, растягивая удовольствие.

— Давно пишешь? — интересуюсь у Миши.

— Лет с пятнадцати. До этого так, несерьезно было. Даже стыдно показывать.

— А почему именно стихи?

— Само получилось. Главное, что пишется легко, быстро, полчаса — и готово. А над прозой сколько сидеть нужно, не позавидуешь. Правда, рассказы тоже строчатся иногда, бывает. Но их проживают, а стихи — написал и забыл.

— Не помнишь ни одного своего стиха? — удивляется Славка.

— Ну, разве что парочку последних. Они из головы мгновенно вылетают, сразу, как оказываются на бумаге. Зато потом старые весело перечитывать, как будто чужие. Как будто не я писал.

— Забавно, — я делаю глоток.

Чай уже остывает и становится таким, какой я больше всего люблю.

— Завидую тем, кто знает свои стихи наизусть, — говорит Миша. — Напрягает постоянно жить в паранойе, что с интернетом что-нибудь случится, а ты не помнишь ни строчки.

— Можно же распечатывать...

— Что я и делаю. Но от паранойи трудно избавиться.

Ловлю себя на мысли, что у Миши забавное произношение. Слишком мягкое, что ли. Мягкие согласные, нежные шипящие. На Славкино похоже.

— Ты десятилетку закончил? — спрашиваю у Миши.

Он кивает с набитым ртом. Пирожные, пирожные, пирожные — сплошные пирожные! Как там сказано у Шекспира? Избыток вкуса убивает вкус? Ни хрена подобного.

— В девятый класс туда перешел, — он судорожно глотает последний сладкий комочек.

Заливает в себя полчашки кофе. Такой он, Миша, счастливый — острые колени, веселый взгляд. Повезло.

— Скучно, — тянет Славка, доедая пирог. — Ты лучше расскажи, как вы с Андреем в пятом классе заложили унитазы бумагой в мужском туалете.

— Идиоты были, — фыркает Миша. — Нас тогда чуть не выгнали, родителей вызывали, такой скандал! Страшно вспоминать.

Но я же вижу, что ему не страшно, а смешно. И немножко грустно отчего-то. Мне тоже грустно — в пятом классе у меня был брат. Еще был.

Славка смотрит на Мишу, улыбается. У них есть прошлое, в котором меня не было. Школа, первая дружба, первая дурость. Partners in crime, так сказать. Мне всегда странно думать, что у людей, которых я знаю, было прошлое до меня. Что до меня вообще когда-то что-то происходило.

— Когда я был в пятом, мы ходили с братом на «Алые паруса», — вырывается у меня. — Тупая идея. Толпища была огромная, видно не очень, все орут.

— Экзальтация, — пожимает плечами Славка, а Миша взрывается от хохота.

Славка смотрит на него с укором. Он буркает что-то, но я пропускаю слова мимо ушей. Чай почти остыл, и я допиваю его без особого удовольствия. Просто не хочу сидеть здесь напротив Миши. Быть частью непонятого спектакля. Какой Миша на самом деле — неужели эта дикая мне беззаботность и есть он?

— Облопалась? — любопытничаю у Славки.

Она хихикает.

— Недостаточно, — говорит она. — Но сойдет. Если все всем довольны, может, пойдём книжки посмотрим? Я думала что-нибудь прикупить.

Славка облизывается. Она всегда облизывается на книжки, потому что обожает их запах. Просто стоит и нюхает, как больная. Наркоманка, не иначе. И по запаху может определить издание. Вот это, я понимаю, человек увлеченный. Тут у нее трезвонит мобильник. Что я действительно терпеть не могу, так это Славкин вьедливый рингтон, который играет потом в башке на репите, хрен избавишься.

Даже «закусить» другой музыкой не всегда помогает. Она достает телефон и медлит секунду: брать или не брать.

— Приехал? — говорит в трубку будто нехотя.

Громкость звонка низкая и ответа не слышно.

— Вот и славно. Завтра в универе увидимся. Чего? — Ее лицо приобретает недовольное выражение. — Обойдешься, я сказала. Выкуси.

Славка нажимает на сброс и убирает телефон в карман. Молчит. Ни за что ничего не скажет, если я не спрошу. Миша расплачивается с официантом, невзирая на возражения: «Я пригласил, я и плачу. Прекрати, говорю, спорить».

Славку попробуй, переспорь, но тут она уступает.

— Кто звонил? — спрашиваю я небрежно.

— Эдичка, — говорит Славка мрачно, но мрачность эта напускная.

Уж я-то знаю.

— Приехал сегодня с конференции, или как там эта ерунда называется. Достал со своими просьбами.

Как она так может, я не понимаю. Эдичке за сорок, и он ведет у нас историю английской литературы. Кандидат наук, вашу ж мать. Ах, да, он же ей дядей приходится. Правда, не слишком родным — сводный брат Славкиного отца. Пофиг. Помню, как он посмотрел на меня в первый раз, у меня аж мурашки побежали. Казнить нельзя помиловать. Презрительно посмотрел, склонив голову набок. Так взирают на букашку, не стоящую внимания и случайно попавшую под ноги. А все потому, что я со спины его за студента принял — тощего и страшно модного студента. Обратился в стиле: «Эй, парень». Номер какой-то аудитории нужно было узнать. «Парень» развернулся, смерил меня презрительным взглядом и, не удостоив ответа, направился в другую сторону. Так и познакомился я с дражайшим Эдуардом Викторовичем — страхом всего университета. Славка звала его Эдичкой, остальные девицы возмущались подобным кощунством в адрес любимого педагога и напрочь отказывались верить в родственные связи «ненормальной оторвы» и предмета своих эротических грез. Однофамильцы, не иначе.

— Что он хотел? — интересуюсь я.

Славка вряд ли ответит, но попытаться стоит.

— Неважно, — отмахивается она. — Семейные проблемы.

Вечная отговорка. И ведь дальше спрашивать неудобно. Отношения у них, мягко говоря, чудакватые. Во всяком случае, если судить по Славкиной манере общения с ним. Хотя, наверное, она со всеми примерно одинаковая.

— Ох, уж он мне завтра задаст, — сокрушаюсь я. — Опять я не сделал задание. Славочка, слушай, попросишь за меня?

У Эдички привычка давать персональные работы тем, кто чем-то его не устроил. Или просто не вышел рожей. Впрочем, на Славку никогда мои мольбы не действовали.

— Разбежался, — фыркает она. — Сам с Эдичкой свои дела и решай.

— Хороша подруга.

— Не шантажируй.

Миша хихикает, пролистывая ленту в телефоне. Уши греет, молодец. Мы выходим из кафе.

— В иностранный отдел сразу? Или куда?

— Тебе нужно что-нибудь? — спрашивает Славка у Миши.

— Сборник Рильке. Немецкого я не знаю, — улыбается он.

— Направо сворачивай, — командует Славка. — Здесь может быть.

Она помогает Мише найти сборник. Я стою рядом и бездействую. Мне жарко, душно и вообще как-то настроение в раз испорчено после Эдичкиного звонка. Завтра у нас пара, завтра начнется — хиханьки да хаханьки озабоченных студенто-

чек, мое невыполненное задание — легче прокрастинировать весь вечер, чем взять и сделать — гипнотизирующий тон Эдуарда Викторовича. Он всегда так медленно тянет слова, так выразительно строит фразы, что я впадаю в транс после пяти минут его монолога. Девицы тоже почти не слушают, только пялятся мечтательно и задумчиво обсасывают карандаши. Мерзятина. И глаза у него — зеленые и злые, две цветные льдинки. Как только Славка умудряется его осаживать?

Витя Щепкин, противный задрот в круглых очках, распустил слух об Эдичкиных нетрадиционных предпочтениях. Мол, если ни одну девицу не клеит, значит, нетрадиционные. Я когда Славке это сказал, она расхохоталась мне в лицо.

— Больно любопытные вы все!

— Разве не так? — выдал я, надеясь расколоть ее.

Не тут-то было.

— Для себя интересуешься? Или для друга? — продолжала хохотать Славка.

— Слав, перестань ерунду нести. Интересно просто.

— Интересно — подойди и спроси. А Витя, похоже, участвовал в процессе, раз с такой уверенностью заявляет подобное, — усмехнулась Славка. — Пойдем на пару или продолжим ковыряться в чужом белье?

Конец разговора. Естественно, у Эдички я ничего так и не спросил. Наглости не хватило.

Славка выуживает сборник Рильке с нижней полки. Любители поэзии так со своими родственниками не разговаривают. Или я чего-то не понимаю?

— А я, кстати, пару его стихов даже переводил, — вдруг говорит Миша.

— Ты же не знаешь немецкого, — лукаво поддевает его Славка.

— Так это пару лет назад было, я тогда неплохо читал на нем. Сейчас вряд ли смогу.

— Не приbedняйся, — Славка хлопает его по плечу.

У них все легко и просто. Я вспоминаю свой первый поход в книжный магазин с матерью и Гошей. Тогда это словно был портал в другой, неведомый мне мир. Я и представить не мог, что где-то бывает книг больше, чем у нас дома. Потом я еще и убедился, что половина экземпляров дома — редкий хлам. Мать всегда любила коллекционировать дешевую чепуху и рыдать над слезодавилками по вечерам, сторбившись в кресле. Да, в первый раз книжный произвел на меня неизгладимое впечатление. Все хотелось потрогать, пощупать, увидеть своими глазами — и многое хотелось скупить. В итоге, невзирая на мой утомительный, как выразилась мать, плач и тщетные мольбы, мне сунули в руки книгу сказок. Мне было шесть, и сказки я уже перерос. Кто бы меня послушал. Сказки пахли матовой дорогой бумагой — отчужденно и тошно. Лаковая обложка противно скользила под пальцами. Я выронил книгу у кассы — ладони вспотели, и она выскользнула из рук. Мать заорала, Гоша молчал и только смотрел на меня с грустным пониманием. Мне никогда не давали то, что я действительно хотел, отделяясь дорого, но ненужным, и считали это нормой. Меня никогда не слушали.

— Пошли в иностранный отдел, — говорит Славка. — Ты же ничего не хочешь, Веснушкин?

Вроде и нежное обращение, а вроде и бесит. Даже прозвище Эдичка кажется мне сейчас более приятным.

— Нет, — это звучит грубее, чем хотелось бы.

Мысленно мне все еще шесть — и я обижаюсь на мать. Давно пора вычеркнуть и забыть, бесполезно же.

Славка пожимает плечами. Миша смотрит на меня нечитаемым взглядом.

Мы проходим до конца этажа и спускаемся по лестнице. Народу достаточно, духотень. Славка перебирает книги на французской полке и достает одну из них.

— У тебя же есть Саган, — зачем-то говорю я.

— Ты не слишком внимательный, — Славка прищуривается. — Этой нет. Так, мне еще нужен Пратчетт.

Миша берет толстенную книжищу и медленно ее пролистывает. На красной обложке название — «Jonathan Strange & Mr Norrell».

— Не дочитала, не понравилось, — бросает Славка в сторону Миши.

— Я твоему вкусу не доверяю, — смеется он. — Скучная?

— Очень.

— Язык хороший?

— Хороший.

— Тогда возьму. Буду на ночь читать вместо колыбельной.

Славка улыбается. Цепляет большую книгу Пратчетта с серой полки. Меня снова подхватывает и уносит в другое время. Теперь мне шестнадцать. Матери рядом нет, только Гоша. Мы снова идем в книжный. Гоша смотрит на меня покровительственно — он уже взрослый, у него есть девица и далеко идущие планы на жизнь. Как странно, что люди, которые боятся умереть завтра, не успеют сказать, не успеют сделать, прочувствовать или прожить, обычно все успевают. А те, кому несвойственны всякие суеверия, в один миг способны по доброй воле улететь в никуда.

Гоша советует мне какой-то роман, супер-серьезный, вымученный и скорбный. Я сколько взглядам по полкам и думаю, когда мы сумели отдалиться друг от друга? Когда общество девиц и пьяненьких дружков стало для него важнее? Еще недавно он выгораживал меня перед матерью, а сегодня сам готов навалиться с правочениями. Вырастешь — поймешь, я лучше знаю. Конечно, Гоша. Только ты так и не успел ничему меня научить.

— На кассу? — спрашивает Славка.

Миша кивает. Славка приобнимает меня и быстро целует в губы. Наверное, поняла, опять заметила мой стеклянный, ничего не выражающий видок. Миша деланно отворачивается.

— Все нормально?

— Еще бы.

Я хватаю на ходу какую-то тоненькую книжку на английском. Читать вряд ли стану, но пустым из магазина выходить не хочется. Славка многозначительно хмыкает, зная эту мою привычку. На кассе хватаю еще леденцы и длинные кокосовые батончики. В детстве меня обычно били за это по рукам со словами: «Тебе что, мало?» А я к следующему разу забывал и лез снова. Дурачком был.

Протягиваю по одному Славке и Мише. Упаковка хлюпает и нехотя раскрывается. На улице похолодало — приятный контраст. Славка держит меня за руку, Миша идет сбоку от нее. Я хочу спросить у него еще что-нибудь про стихи или музыку, но в голову лезет одна дурь.

— Почему именно фортепиано? — наконец выдаю я.

— Само получилось. Подошел дома к инструменту в четыре года, потыкал клавиши и сказал: «Хочу!» — Он слегка усмехается. — Если б знал, что эта мутотень так затянется и потом бросать жалко будет, наверное, не стал бы.

Я не отвечаю. Мне незнакомы всякие «хочу», моя жизнь пестрит чужим выбором. Я смотрю на Мишу — у него открытое, чистое лицо. Хочет ли он казаться таким или является им на самом деле, мне неведомо. Но теперь, глядя на него, я вдруг осознаю, что испытываю к нему ненавязчивую симпатию. В первую очередь, потому, что он совершенно непохож на меня.

У Славки привычно разоряется телефон. Я снова вздрагиваю от режущей уши мелодии.

— Да, мам, — устало отвечает Славка. — Все в порядке, гуляем. Ты же знаешь, я не люблю, когда меня отвлекают.

Это не совсем правда. Во время пар Славка обожает отвлекаться.

— А заранее нельзя было предупредить? У меня планы были, кажется. Ладно, приеду. Эдичку задушу при встрече, так и передай. Он уже у нас?

Мама что-то ей отвечает.

— Вот и отлично. Да, рядом я, рядом с метро. Пока.

— Что там? — интересуется Миша, комкая в руке упаковку от батончика.

— Семейная буча намечается, — недовольно говорит Славка. — Решили забабхать вечеринку, даже гостей пригласили. Вчера все окончательно определилось, а мне не сказали.

— Сволочи, — закатывается от смеха Миша.

— Помолчал бы лучше, — Славка укоризненно смотрит на него.

Он пытается сделать серьезное лицо.

— Пойду я тогда. Спасибо вам, хорошо посидели.

Миша обнимает ее крепко-крепко. Будто назло. Я легонько ее целую.

— До завтра?

— Не напоминай, — Славка делает страшные глаза. — У меня точно будет передоз Эдички.

Она разворачивается и уходит, скрываясь за голубой стеной.

— Пройдемся по Невскому? — предлагает Миша.

Я вдруг вспоминаю роман Лимонова.

ГЛАВА 4

Мы с Мишей идем по Невскому. Канал Грибоедова с его пепельными волнами остается позади. Теплый ветер дует в лицо, обволакивает, обнимает. Хорошо! Иногда я забываю, что вокруг меня жизнь, и она совершенно другая, прекрасная и не очень, красивая и безобразная. Не моя, но происходящая рядом со мной, параллельно мне, и иногда с моей жизнью перекликающаяся... Пафос. Сплошной пафос. Периодически на меня накатывает желание изобразить из себя поэта. Получается довольно бездарно.

— Ты чего завис? — спрашивает Миша.

Я смотрю на него, будто выныривая на поверхность.

— Задумался.

Сейчас ведь поинтересуется, о чем. Зачем я это сказал?

— Жалко, что Славку вытащили посередине процесса, — говорит Миша.

Подходит к ближайшей мусорке и выбрасывает упаковку от батончика.

Я делаю то же самое, хотя каждый раз становится неприятно, будто это элементарное действие кощунственно по своей природе.

— Жалко, — соглашаюсь я.

Мне всегда неуютно было с чужими одному. Сначала — без брата, потом — без Славки. А с Мишей вроде нормально, никакой пустоты или желания сбежать в любой неподходящий момент.

— Вы с ней в универе познакомились?

Я киваю.

— Такое ощущение, что успели врасти друг в друга.

«Успели врасти» — как поэтично сказал. Нехилая доля правды в этом есть, трудно представить мое существование без Славки. Одинокие посиделки на задних рядах. Мотание с наушниками в перерыве, потому что никто с тобой не заговорит. Никто не захочет. Да ну, ерунда. Не бывает такого.

— Наверное, — вздыхаю я.

Только постоянно возникает ощущение, что наша дружба — лишь малая часть Славкиной жизни. Что у нее есть нечто другое, большое и важное, и она постоянно туда сбегает. Не может быть, чтобы ее мир заиклился на мне.

— А вы вместе с первого класса учились? — спрашиваю, чтобы поддержать разговор.

С Мишей нормально, да, но пока я понятия не имею, о чем с ним болтать.

— С третьего. Я сначала в другой гимназии учился, долгая история.

— Неужели выгнали? — ехидничаю.

— Одноклассник, как же его звали... — Миша морщит лоб. — Петя, что ли. Ляпнул то, что мне совсем не понравилось, я ему и вдарил как следует. Чтобы неповадно было. Скандал раздули ужасный, его мамаша прибежала с диким ором и криками о том, какой я ненормальный. Требовала, чтобы меня, так сказать, ликвидировали... — Он усмехается. — Вот и пришлось перевестись, хотя я не жалею. В первой школе учиться было — пытка раскаленными углями... А ты знаешь, что Славка тоже пишет?

— Кто сейчас не пишет! Даже я стихами баловался.

— Нет, я серьезно. Она пишет под псевдонимом и даже печатается. Скрывает тщательно от семьи. Я думал, она тебе рассказала. У нее бешеная популярность на одном писательском сайте!

Я чувствую себя немного обманутым.

— Что пишет-то?

— Ой, я тебе даже рассказывать не буду, у нее поинтересуйся. Зря, наверное, я это вообще упомянул.

Врет или правда? Неужели Славка и впрямь что-то недоговорила? Да и какая к черту разница. Развлекается человек, как хочет. Может, боится чего. Или стесняется. Хотя стеснение — не про Славку.

— Ты чего, расстроился? Прости, я не знал, что... — Миша делает виноватое лицо.

Моя симпатия к нему начинает медленно испаряться. Странно, не повод же.

— Просто подумал, что там скрывать, — я даже улыбаюсь.

Внутреннее состояние колеблется между «очень обидно» и «как-то пофиг». Типичненько. Я привык, что люди вечно недоговаривают, умалчивают, скрытничают — и до конца никому не доверяют. Похоже, кредит Славкиного доверия оказался не настолько велик. Помню, как сам скрывал от семьи всякие мелочи — проблемы в школе, первую влюбленность (от нее осталась только записка на день святого Валентина, которую мне вернули за ненадобностью, и я с какого-то хрена храню ее до сих пор), первые звоночки тревожного состояния брата. Выдавать его родителям казался тогда нечестным, но потом я страшно жалел об этом. Хотя чем они могли ему помочь? Скорее, сами довели бы до полета.

— Славка рассказывала о твоём брате, — неожиданно говорит Миша.

Тихо и робко. У меня на секунду будто сердце останавливается. Не то чтобы я запрещал Славке это распространять, но слышать подобное от Миши вот так вдруг — удар под дых. Видимо, она решила с ним поделиться, чтобы как-то оправдать мои резкие приступы грубости и уныния. Молодец, ничего не скажешь.

— И что? — звучит грубо, как всегда.

Я не готов сейчас к разговору по душам с человеком, которого вижу второй раз в жизни. И который, похоже, знает обо мне больше, чем я о нем. Я ни с кем особенно не люблю откровенничать, разве что Гоше доверился как-то — и Славке. Но с ней отдельная история. В конце концов, я почти сирота, и она — единственная, кому не лень регулярно вытаскивать меня из боли и приобщать к миру.

Миша кладет руку мне на плечо и слегка сжимает. Я вздрагиваю от его прикосновения. И почему-то все становится понятно без слов. Напротив нас — гостинка и оголтелые туристы с огромными рюкзаками, в кепках и с селфи-палками. Американцы, наверное. Хотя почему именно они, что за тупые стереотипы?

— Дорогу перейдем? — предлагает Миша.

Его рука незаметно уходит с моего плеча.

— Там обычно знакомая мне компашка собирается, стихи читают, — он показывает пальцем на небольшую группку молодежи у алого здания с надписью «Сбербанк».

Красивое здание с красивой башенкой — помню, фотографировал его как-то под Новый год. Давно было — тогда еще с Гошей гуляли.

— Давай, — соглашаюсь я.

Мне все равно, куда идти. И отчего-то становится спокойно.

Солнце бликует в стеклянных дверях зданий. Мы спускаемся в переход — грязные стены, искусственный желтый свет, ларьки с газетами и противной теткой у прилавка. Переходы напоминают маленький подземный мир, лайтовую версию ада перед апгрейдом. Дешево и сердито. Скачать полную версию по ссылке в описании. Такое ощущение, что я постоянно живу в этом переходе, а наверх, в лучшую жизнь, выныриваю лишь изредка и там щурюсь от неожиданного солнца. Мы поднимаемся, и Миша машет компании рукой. Улыбчивая девушка в шароварах и рубашке подходит к нам.

— Мишка, привет! Познакомишь?

У нее длинные косы, черные стрелки на веках и помада в блестках.

— Паша. Учится на лингвистике. Аня, дизайнер.

Я пожимаю Ане руку. Миша на фоне Аниной разношерстной компании выглядит абсурдно.

— Пишет? — спрашивает Аня.

— Да вроде нет. Просто я хотел, чтобы он вас послушал. Если можно.

— Конечно, — Аня продолжает лучезарить.

Есть в ней что-то неприятное.

— А сам почитать не хочешь?

Миша пожимает плечами.

— Давай! Ты вчера классно читал.

Тут я вспоминаю, что видел Аню вчера в библиотеке. Она сидела где-то сбоку и до выступления Миши листала телефон. Что у них за мания такая с этими телефонами?

Миша смущается. Я ни на йоту не верю в его смущение. Артист. Наверное, привык давно к горам внимания в свой адрес, но все строит из себя овечку. Синдром самозванца у него, что ли?

— Ладно, — когда он улыбается, мое раздражение уходит.

Слишком честная у него улыбка.

— Прочту что-нибудь из нового, что вчера не успел.

Миша обнимается еще с парой девчонок, парни хлопают его по спине. Душа компании, ни много ни мало. Видно, частенько здесь собираются. Помню, в детстве я мечтал о такой, но мне не позволяли даже пойти с ночевкой к однокласснику. А после знакомства со Славкой в универе нужда в компании вроде бы отпала. И ночевки мне перестали запрещать, потому что наплевали на мои закидоны.

Миша подходит к микрофону. В свободной худи и черных джинсах он умудряется выглядеть художественно. Эстетично, что ли. Как ни странно, его облик гармонирует со стихами.

— Я бы сошел с ума, — читает Миша первую строчку.

Как удивительно преображается его лицо, когда он начинает читать. Будто все вокруг перестает существовать. Будто Миша оказывается там, куда лишь он способен проникнуть. Какой одухотворенный вид! Или притворство?

— Если бы ты, как сейчас, не держала меня за руку, — продолжает он, закрывая глаза.

Нежно и мягко. Мягко и нежно. Я смотрю на него — он сейчас другой. Вчера

Миша был увлеченным школьником, сегодня он творец слова. Откуда во мне эти изящные формулировки, одному Богу известно. Но теперь мне кажется, что я начинаю его понимать. И что он не артист и не притворщик, а просто разный. Всякий.

Аня смотрит на него во все глаза. Влюблена, наверное, пронесится у меня в голове. Люди, проходящие мимо, останавливаются послушать Мишу. Я перевожу взгляд на его руки, сжимающие микрофон. По три кольца на каждой, и в его случае это не выглядит безвкусным. Миша заканчивает один стих, раздаются хлопki. Начинает другой. Я думаю о том, что он может стоять вот так и час, и два — не замечая времени. Одно перетекает в другое. Миша открывает глаза и смотрит на меня, но я не знаю, что он видит. Возможно, некий видеоряд, пронсящийся перед ним и соответствующий его стиху. Пошел бы я на режиссерский, снял бы теперь что-нибудь эдакое, в тон Мише. А так я бесполезен.

Он читает стихов пять и благодарит публику.

— Еще! — нетерпеливо требует Аня.

Миша что-то тихо ей говорит.

Я молчу.

— Понравилось? — спрашивает Миша, подходя ко мне. — Опять застыл, — крушится он.

— Очень. Правда, — я ободряюще улыбаюсь.

Но ободрять, скорее, нужно меня. Я вдруг не вовремя вспоминаю, что Славка сейчас едет домой. Тусоваться. Наслаждаться жизнью. Вот напьется сегодня в компании своего нерадивого дядюшки — и не явится завтра на пару. Хотя Славка не пьет. А вот если Эдичка не припрется с утра, я буду ему благодарен. У Миши жужжит в кармане.

— Тебе звонят, кажется, — говорю я.

Сегодня слишком часто звонят. Я даже рад, не придется неумело петь Мише дифирамбы.

— Это Славка. Да, алло. Все окей?

Все окей. Почему она не набрала мне?

— Славка ругается, что у тебя звук опять выключен, — говорит Миша.

— Сейчас посмотрю.

Мне даже немного стыдно.

— На, держи. Хочет что-то сказать.

Я беру у Миши телефон, и он почти выскальзывает из рук. Кошмар.

— Веснушкин, сделай милость, напиши в беседу, что первой пары не будет. Не хочу, чтобы от меня инфа шла. Эдичка разошелся. У метро меня сейчас встретил в полной прострации. Устал с дороги якобы, — ухахатывается Славка. — По-моему, у него просто вечеринка раньше началась.

— Второй пары тоже не будет? — спрашиваю с надеждой.

Оставь надежду, всяк связавшийся с Эдичкой.

— А на вторую я его уломаю, иначе нечестно. Погуляли — и хватит.

Я вздыхаю.

— Напишу. А зачем он тебя встретил?

— Мама послала. Видимо, боится, что я в другую сторону уйду, — в трубке слышится смешок. — Эдичка ведь такой солидный кадр, ржу просто.

— Хоть посплю нормально, — говорю я, никак не комментируя ее слова.

Настроение падает по непонятной причине. По идее, должно быть наоборот.

— Уж я-то как посплю! Надеюсь, гости не до утра сидеть будут. Ладно, пока. Надеюсь, вы там развлекаетесь.

Все, гудки. Возвращаю Мише телефон.

— У нас завтра первой пары не будет, — зачем-то говорю я.

— Повезло, — улыбается Миша. — У меня с самого утра канитель. Я вдруг понимаю, что хочу домой. Хочу упасть на кровать лицом вниз — и чтобы никто меня не трогал.

— Ты куда сейчас? — спрашивает Миша.

Аня, стоящая в стороне, внимательно нас изучает.

— Домой, наверное. А ты?

— А я тебя провожу тогда. Все равно нечего делать.

Просто ему скучно, поэтому он меня провожает. Может быть, ждал другой реакции на свои стихи, но я не умею как следует восторгаться и сыпать комплиментами. Не мое.

Мы прощаемся с Аней и идем обратно к метро. Сегодня хороший день, однозначно, хороший. Утренние перипетии с матерью не смогли его осквернить. Только побег Славки неприятно давит. Как будто в мое отсутствие происходит что-то важное. После кино мне хотелось поехать к ней, остаться с ней, но теперь мне пусто. Я не злюсь на Мишу за то, что он перервал нашу, так скажем, идиллию — мы неплохо провели время вдвоем. Но Славкины родители — странные люди. Приезжай — и все. Конечно, она не могла им отказать. Конечно, там же Эдичка. Прилетел со своей конференции, чтоб его. Такое событие, аж вечеринку решили устроить.

— Почему ты выбрал лингвистику? — неожиданно спрашивает Миша.

Он здорово умеет выбивать из колеи.

— А я не выбирал, тебе Славка разве не говорила? Родители с братом настояли, а я послушался. На режиссерское хотел.

— Круто. Ты вообще внешне на лингвиста слабо похож, я поэтому спросил.

— Это еще что за новости? — усмехаюсь я. — Что же во мне такого нелингвистического?

— Ты какой-то слишком творческий. Художника напоминаешь. Музыканта. Ну, или режиссера.

Никогда этого не замечал. Интересно, как чужие люди могут открыть тебя тебе.

— Спасибо, что ли. А ты как раз соответствуешь своим занятиям.

— Да, скукота. Интеллигентный мальчик из хорошей семьи — так про меня сказала одна мамина подруга.

— Ох уж эти мамыны подруги! — деланно сокрушаюсь я. — И дочь, поди, у нее имеется?

— Имеется. Они все свести нас пытались, но я ни в какую. Ты бы видел ту дочь...

— Только не рассказывай, — поспешно прошу я. — Приснитя еще потом.

Миша смеется.

— Внешне она как раз ничего, но дура редкая. Бывают же такие.

Я согласно киваю. На Невском толпень. Как всегда, не протолкнуться.

Эти безвкусные люди — кто в шортах с футболками, кто в татуировках с ирокезами, кто в черных плащовках. К дождю вечно готовятся, Питер же. Главная улица города? Тошнотина.

— Проедешься со мной? — спрашиваю у Миши.

Снова спускаться одному в общество тетенек за пятьдесят и мужиков с читалками — избавьте.

— Давай, — соглашается он.

Бесконфликтный паренек, ничего не скажешь. Уступчивый. На эскалаторе Миша стоит на ступеньку ниже, развернувшись ко мне лицом.

— Что слушал последнее? — любопытничает.

— Фортепианную сонату Вайнберга.

Миша кривит губы. Неужели, как Славка, ненавидит такую музыку?

— Специфический у тебя вкус.

Осторожничает. Я же говорю, бесконфликтный.

— На самом деле, я редко такое слушаю. Подходящее настроение нужно. Сегодня утром как раз было.

— Кто же тебе так не угодил? — Миша слегка улыбается.

В его лучезарной жизни, я просто уверен, не бывает моментов, когда хочется запрыгнуть на облако, сбежать за тридевять земель — или, на худой конец, послушать Вайнберга.

— Мать.

Мог не говорить ему этого, но сказал. Врать не хочется.

— Извини.

— Не ты же ее такой сделал, не волнуйся. Я почти привык.

— С отцом живешь?

— Ага. С отцом и его бабочками-однодневками.

— Наверное, мне лучше помолчать, — тихо говорит Миша.

— Почему?

— Не хочу берeditь в тебе все это...

— Да ладно, что же нам теперь, всегда молчать? Я же говорю, привык почти. А ты с родителями живешь?

Мой вопрос утопает в гуле подходящего поезда. Мы заходим и втыкаемся на места в углу.

— Да.

— Встречаешься с кем-нибудь? — кричу ему в ухо.

Шум в метро всегда страшный.

Миша неопределенно машет рукой.

— Ты видел вообще девиц вокруг? Рвать тянет, простите за откровенность. Тебе еще фортануло.

— Мы со Славой друзья.

Это действительно так. Миша закатывает глаза.

— Все равно фортануло. Хочешь что-нибудь послушать? — он достает наушники. — Я вот Синатру слушал по дороге к вам. И «Ночных снайперов».

— Хорошее сочетание, — ехидничаю.

В итоге Миша ставит Мари Лафоре.

— У нее милые песни, — говорю я.

— Знаешь французский?

— Не очень. Он никогда не был моей сильной стороной. А ты?

— Чтобы хорошо говорить на языке, нужно его любить. И получать удовольствие от того, как звучит каждое слово, каждый слог. Кайф ловить, понимаешь? — Миша делает неопределенный жест рукой.

— Понимаю.

— Тебе скоро выходить?

— На Московской.

До Московской еще три станции. Тетка напротив по непонятной причине косится на нас с отвращением. Полный неадекват царит кругом. По сторонам лучше не смотреть. Противная парочка, школьники на вид, сосется у дверей. Да, мы со Славкой тоже можем чмокнуться в метро, но всему же есть мера. Кажется, внутри меня сидит столетняя бабка — и временами невольно вылезает наружу. Вот когда видит таких сосунов, например. Или все дело в беспробудном снобизме?

«Парк Победы», — объявляет автомат.

— В кино часто ходишь? — спрашивает Миша.

— Да вот только сегодня со Славкой ходили на авторское.

— Как впечатление?

— Слабенько.

Фильм слабенький, а вот Славкины губы на моей шее — оче­шущи­тель­ны.

Выхожу на Московской, Миша остается в вагоне. Ему выходить, конечно, не­целесообразно. И вообще, по-моему, Лафоре вернула Мишу в его привычное со­стоя­ние, отгородила от внешнего мира и в том числе от меня. Он снова нырнул в свою среду убитания и даже записал пару строк в заметках. Попрощался со мной рассеян­но: «Увидимся». У него, наверное, перед глазами уже слова бегали. Такой человек. Такие привычки. Все равно. От метро до дома еще минут десять на мар­шрутке. Узкие проходки, узкие сидения и духота. Сзади сцепились две фифы, одной дует, другой жарко. Девица на переднем ревет в трубку: «Он меня брооо­сил!» Над головой надоедливо жужжит муха. Затычки в ушах — постоянное спа­сение. От шума метро, от разговоров в маршрутке, от мух, фиф и шершней — дос­таточно просто включить самое громкое, что имеется в плейлисте. Громкое, тупое и отключающее мозг, чтобы даже на нытье сил не осталось.

Отец дома не один. А когда он вообще один? Кажется, я не вовремя, судя по хихиканию с кухни.

— Ты че, сдурел? — дикий ржач поражает пространство.

Голос незнакомый. Хамоватый. Я разубаюсь и прохожу на кухню. Девица, за­горелая, в теле, лет двадцати пяти и топless, сидит на табуретке с бокалом в руке. И откуда у нас эта табуретка?

— Явился, — отец сидит напротив нее.

Ему пофиг. Я наблюдаю такие сценки с завидной регулярностью.

— Мать звонила. Опять до истерики ее довел?

Я хмыкаю.

— Она же заводится с пол-оборота. Надумает себе...

— Дура старая, — отец берет со стола стакан с желтоватой жидкостью и зал­пом опрокидывает содержимое.

Не хватало только, чтобы спился. Хотя нет, такие не спиваются, а живут до ста лет и мучают окружающих.

Девица молчит и смотрит на меня чуть испуганно. Лучше бы смылась, честное слово.

— Ты где пропадал? Опять прогуливал?

— Не опять, а снова. А ты где ее откопал? — показываю пальцем на девицу.

— Не хами мне тут. Щенок, — отец кривится.

— Диву даюсь, где ты их каждый раз цепляешь, — меня несет.

И это прекрасное чувство. Тормозов нет. Границ нет. На все глубоко плевать.

— Не провоцируй.

— Не доводи меня.

Отец усмехается.

— Чем же, интересно, я тебя довожу? Ты на мои деньги жрешь, живешь в моем доме, имеешь лучшие шмотки и все условия. Что тебе еще нужно?

— ****ей приводишь. Мать добил окончательно.

Отец багровеет.

— От Гоши ты уже откупился. Папаша, — я тянусь к столу, чтобы взять воды — жарко же. Отец поднимается и хватает меня за шиворот.

— Как ты смеешь, отродье!

Кровь шумит в ушах.

— Гоша был — мой сын. Мой. А ты весь в эту ведьму психованную — волосы, глаза. Манерный, как баба, смотреть на тебя тошно! Патлы висят. И якшаешься с этой девкой — мода сейчас, что ли, такая? Наоборот все, да?

Он отпускает руки.

— Думаешь, деньгами заплатил — и уже отец года? Дешевка, — я беру бутылку с водой, ухожу к себе и хлопаю дверью.

Девушка, кажется, так и застывает с пораженным видом. Я падаю на кровать лицом в подушку, как и мечтал. Сейчас я хочу к Славке. Или обратно, к Мише. Да что там, я даже Эдичку сейчас был бы рад увидеть. Мерзко, мерзко от самого себя, от отца, от его очередной проститутки. Зачем я ему нахамил? Только сам в его грязи искупался. Телефон выдает сообщение.

«Мы тут обсуждаем папину статью. Ничего в этом не понимаю. Скукотища», — сердечко в конце.

Отец у Славки — математик. Через две минуты приходит: «Веснушкин, ответь». Еще через две: «Ты что там, уснул?» И сразу же: «Василиса Прекрасная, поблагодарите порадовать ответом бедного раба вашего», — и смайлик с высунутым язычком.

Я даже улыбаюсь. Вдруг становится очень легко.

«Василиса в печали. В пух и прах с отцом разругалась. Позвони, как гости уйдут». — Поцелуйчик.

Славка пишет незамедлительно: «Представь, что я рядом. Как сегодня в три часа ночи. Представил?»

«Сволочь ты. Теперь мне еще хуже».

Славка молчит. Наверное, больше отвечать неудобно. Я отбрасываю телефон и беру планшет со стола. Посмотреть ролики в ютьюбе? Или сериал? Как вариант, можно еще почитать что-нибудь. Кажется, неделю назад я попробовал Пруста — голова разболелась на второй странице. Ощущение, что автор сам запутался в своих философских умозаключениях. Хотя, конечно же, автор — гений. Это я просто жутко туп и примитивен. В итоге врубаю Джимми Фэллона. Сугубо чтобы отвлечься. Половины не слышу, половину не слушаю. Тыкаю все подряд. Ближе к одиннадцати хлопают двери в ванную и спальню — девушка остается на ночь. Шаги отца раздаются рядом с моей комнатой, но он не стучит и не заходит. Пусть так.

Славка звонит в начале первого.

— Ты как там?

— В норме. Вы только закончили?

— Да, — говорит она шепотом. — Гости ушли, родители отдыхают, Митя режется в приставку, Эдичка курит на кухне. А я вот с тобой разговариваю, — слышно, как она улыбается.

Митя — это младший брат. Мы с ним друг к другу относимся скептически.

Как же я хочу сейчас ее губы. Те самые, которые улыбаются.

— Что у вас с отцом произошло?

— Как всегда. Он привел деваху, я разозлился. Не хочу все это рассусоливать, ладно?

— Конечно, — Славка вздыхает. — Веснушкин, я так соскучилась.

Мы расстались днем, но я тоже ужасно по ней скучаю.

— Я разговариваю, ты что, не видишь? Дверь закрой! — это уже не мне. — Паш, извини, Эдичка отвлек. Вечно ему внимание нужно.

И признание собственного превосходства.

— Спать собираешься?

— Еслл поллучится.

— Я хотела тебе кое-что сказать... — она замолкает.

— Что?

— *Ne réveillez pas Dieu, il dort profondément, c'est moi son rêve*, — говорит Славка.

Я чувствую, что она совсем не это хотела сказать.

— *Le réveiller serait ma mort*. Не троньте Бога, он заснул, а я живу в том сне. Проснется он — и жизнь умрет во мне, — здесь же переводит Славка.

— Красиво. Кто это?

- Кокто. А перевод — мой.
- Любишь Кокто, — замечаю я.
- Очень. Кстати, ты его «Красавицу и чудовище» смотрел?
- Нет, а ты?
- Тоже нет. Тогда вместе посмотрим.
- Я хочу, чтобы ты сейчас была здесь, — говорю тихо.
- Я уже завтра буду с тобой. Слушай, а давай одинаковые придем?
- В тех алых рубашках?
- Ну да, — Славка смеется.

Она однажды подарила мне алую шелковую рубашку с голубым узором — просто так. К веснушкам подходит якобы. Я хохотал тогда. Потом оказалось, что у нее есть такая же.

- Давай.
  - До завтра? — говорю и вдруг понимаю, как устал.
- День был слишком насыщенный.
- До завтра, царевна... — Я снова слышу ее улыбку. — Держись там.

ГЛАВА 5

В университет я припираюсь в восемь утра. Выспался, называется. Первой пары нет. Проснулся в половине пятого, залил йогуртом хлопья, схомячил, помаялся еще пару часов — и вышел из дома раньше, чем проснулся отец. Не хотелось с ним сталкиваться. Девушка только один раз прошмыгнула мимо моей комнаты — туда и обратно. Как мышка. В семь позвонил Славке, чтобы она раньше приехала. Не сказать, чтобы она прыгала до потолка от моей идеи, но согласилась. Вот теперь я сижу у аудитории, жду ее и размышляю, как быть с отцом. Уходить из дома невыгодно — работу придется искать. Хотя и назвал отца дешевкой, но свободные деньги еще никому не мешали. С моей-то меркантильностью. Пару дней можно у Славки перекантоваться, а потом все равно придется идти на мировую. Задница, господи. Иногда противно даже в глаза отцу смотреть, а ведь умом я понимаю, что без него пропал бы.

Славка приходит через полчаса сонная, зевает и смотрит недовольно. Но ластится.

— Разбудил ни свет, ни заря, — буркает она. — Эдичка еще, наверное, десятый сон видит. Между прочим, я хотела с ним ехать. На машине.

- Ну и оставалась бы дома, — язвлю.
- Как бы ты здесь один... Все-таки надел ту рубашку.
- И ты.

Славка улыбается.

- С отцом больше не разговаривал?
- Сбежал.
- Трусиха, — перебирает пальцами по моей шее. — Что делать будешь?
- Можно у тебя несколько дней побыть?

В глазах у Славки загораются лукавые огоньки.

— Думаю, можно. Только у нас пока Эдичка живет, придется тебе с этим сми-
ряться.

- И что он у вас забыл? — вздыхаю я.
- Он папин брат, — укоряет меня Славка. — И тусуется у нас, сколько хочет.

В универе ранним утром благодать. Никакой тебе толкучки, никакого гама и визга, никаких криков восторженных студенточек и тупого гогота. Пустые коридоры. Я лениво доковыриваю пальцем облупившуюся на стене краску, и ошметок падает на пол. Помню, на первом курсе мы так расковыряли полстены в одной

аудитории. Пятилетние. Славка прижимается ко мне, и моя рука ложится в ее руку. Скоро здесь будет галдеж и проходной двор, но до этого еще есть немного времени.

— Работу, я так понимаю, ты не сделал, — тихо говорит Слава.

Персональное задание Эдички, как я мог забыть!

— И не собирался, — хмыкаю я.

— Тебе невыгодно с ним конфликтовать, — Славка смотрит на меня серьезно-серьезно.

А у меня ветер в голове, честное слово.

— Не допустит тебя к сессии, и что тогда?

— Ты за меня попросишь.

— Разгонись да не убейся, — усмехается Славка. — Не хочу портить из-за тебя отношения с дядей.

— Ты прямо так о них печешься...

— Пекусь.

— А я больше никогда тебя не поцелую. И не приду к тебе. А то, хорош друг, даже пальцем пошевелить не может.

— Это шантаж, — смеется Славка и мягко целует меня в подбородок. — Значит, не придешь?

— Нет!

— Ну и ладно, — она встает со скамейки. — Я пойду тогда, прогуляюсь до пар.

— Слав! Славочка! Я же пошутил.

Она грозит мне указательным и хохочет. Садится обратно.

— Я попрошу Эдичку дать тебе еще неделю. Потом пеняй на себя, если не выполнишь.

— Ты лучшая.

— Просто благородные витязи должны защищать глупеньких царевен, — Славка хитренько подмигивает.

— Я не глупенький, — возмущаюсь.

— Но ленивенький.

— Согласен.

Народ постепенно начинает подтягиваться. Блондинистая Уля со своими подругами (все равны, как на подбор, с ними дядька Черномор) косится на нас с презрением. Все еще не переросла. Все еще не пережила мой отказ на первом курсе. Тогда я мог похвастаться вниманием, но желание ввязываться отсутствовало. С такой девичьей — себе дороже. Конечно, я потерял вес в коллективе (что за канцелярит!) и к тому же предпочел Славку. Такую подставу Уля простить не смогла. Однако она быстро нашла отдушину — втюрилась в Эдичку и теперь готова возвести его чуть ли не на божницу. Кстати говоря, Эдичка опаздывает. Он всегда опаздывает, и никто не уходит, не жалуется. Никто не смеет свалить с его пар. Вот и сейчас — мы сидим, у двери уже набились добровольцы, жаждущие знаний, а Эдички нет.

— Позвони ему.

Она демонстрирует мне экран телефона с уведомлением: «Я в пробке».

— Так скажи им.

— Не буду, — хихикает Славка. — Он должен старосту предупреждать, а не меня. Пусть сами разбираются.

— Жестокая! — я цокаю с осуждением.

— Веснушкин, ты такой забавный, — улыбается Славка.

Она красивая. Не так, как Уля со своим модельным лицом. Просто красивая. Потому что настоящая.

— Смотри, опять эти фрики лижут, — шепчет кто-то слева.

Мне все равно. Мать всегда учила, что общественное мнение — закон. Гоша говорил, что в нем легко можно потерять себя.

Эдичка появляется в конце коридора словно бы из ниоткуда. Походка «батя в здании», во взгляде: «Раздавлю». Девочки, кажется, сейчас завоюют от восторга. Он молча проходит к двери, все расступаются. Открывает ключом и распахивает настежь, мол, добро пожаловать. Если честно, я бы лучше еще в коридоре потусовался.

— Здравствуйте, дети, — обычное приветствие.

Ирония и сарказм. Слабоумие и отвага. Уля пялится на него, разве что слюни не текут, а потом шикает на подруг, замечая их не менее восторженные взгляды. Я хихикаю.

— Риваков, задание выполнили?

Вот так сразу с места в карьер. Ледяной насмехающийся взгляд, легкий наклон головы. Ничего необычного.

— Эдуард Викторович, я...

— Не написали. Не отпирайтесь.

Я вижу насмешливую улыбку Ули. Все молчат. Славка незаметно берет меня за руку.

— Я вам сейчас нарисую что-нибудь эдакое в журнале, Риваков, — еле-еле тянет слова.

Прикопался.

— Хотите вылететь? — медленно-медленно.

По слогам. Это Гоша вылетел, Эдуард Викторович, а я не хочу. Только не из-за вас. Не дождетесь. Славка смотрит на него недовольно, поджимает губы. Делает страшные глаза.

— Так и быть, даю вам еще неделю. Все в ваших руках.

Какое снисхождение.

— Спасибо, — шепчу я Славке.

— Будешь должен, — она улыбается.

Хитренько так.

— Остаешься ведь сегодня?

— Остаюсь. У тебя ресничка, — осторожно смахиваю ресницу со Славкиной щеки.

Эдичка хмыкает, глядя на нас.

— Тема сегодняшней лекции...

Шоу начинается.

Девицы смотрят на Эдичку во все глаза и, я уверен, совершенно не слушают. Им вообще пофиг — что бы он ни нес, они готовы высидеть здесь часами. Уже через пару минут мне становится скучно. Чиркаю в блокноте ленивые линии — я часто беру его с собой и делаю быстрые наброски, когда на парах невыносимо. Славка что-то просматривает в телефоне, наверное, от Миши заразилась. Может быть, как раз с ним и переписывается.

— Ты чего лекцию не записываешь? — шепчет Славка.

— Неохота. Все равно ничего не воспринимаю.

— Хотя бы диктофон включи.

— Во-первых, это несанкционированная запись.

— Больно умный стал, — хмыкает она.

В точности, как Эдичка.

— Во-вторых, я точно не буду это переслушивать. Кстати, а ты почему не записываешь?

— У Эдички есть конспекты всех лекций. Даст потом.

— Со мной не поделишься?

— Это с какой же стати? — Славка усмехается.

Провоцирует.

— Ладно, посмотрим.

Славка читает уведомление на телефоне и хихикает. Показывает мне.

«Разговоры закончили».

— Эдичка негодует, — продолжает хихикать она. — Давай побережем его нервы.

Вот ни разу не собираюсь его беречь. Пусть бесится. Возвращаюсь к наброску. Я не понимаю пока, что получается, будто тоненькая девушка-призрак в старомодной накидке. Привет Эдгару По — похоже, перечитал я всякого вроде «Лигейи». Ведь до чего красиво и жутко написано, аж продирает до костей. Странно, но я всегда был чувствителен к такого рода ужасам и даже сам пытался в детстве сочинять нечто подобное. Дальше моей головы эти шедевры так и не ушли, но кошмары по ночам были мне обеспечены. Эдичка вещает и вещает, я периодически смотрю на часы. Полчаса, час. Еще полчаса.

— Не забудьте про задание, Риваков, — говорит он мне на выходе из аудитория с противной ухмылочкой.

Вот сволочь, а?! Хорошо еще, что отсрочку дал.

— В столовую пойдем? — спрашивает Славка.

У нее обычно все с собой, мне никто такой роскоши не доставит.

— Если хочешь. Я не голоден.

— У тебя скоро будет кожа да кости.

— Кого это волнует.

— Меня, например.

В столовой битком. Мы находим свободный столик в углу.

— Хотя бы печенье возьми, — Славка протягивает мне контейнер. — Что же это такое.

— Не хочу, спасибо.

— Ты так рано завтракал...

— Слав!

— Ладно, — сдается она.

Забота — это приятно, но иногда очень доставуче. У меня сейчас не то настроение, чтобы поддаваться на уговоры. У Славки звонит телефон. Ох, уж эти вечные телефоны. Ни минуты покоя.

— Да, Миш, — она насаживает мясо на вилку. — Как я могла забыть? Хорошо, конечно. Давай.

Телефон ложится на стол.

— Миша вдруг решил напомнить, что у него концерт через неделю в Малом филармошки, — Славка улыбается. — Пойдешь?

Я пожимаю плечами.

— Знаю, ты не очень любишь светские мероприятия, но тебе надо сменить обстановку хотя бы на пару часов. Выйти в общество, так сказать.

— Издеваешься? А кто еще будет?

— Думаю, Эдичка.

Только этого не хватало.

— Он посещает концерты твоих друзей?

— Почему бы и нет. Он здорово разбирается в музыке.

Кто бы сомневался.

— А твои родители не придут?

— У них были планы. Сбагрить Митю бабушке с дедушкой — и вперед. За город поедут, наверно.

— Ясно, — усмехаюсь я.

Типичная дружная семья. Кто-то может этим похвастаться.

— У Эдички сейчас еще одна пара, — говорит Славка, — а потом мы поедем домой. Я попробую его уговорить, чтобы он завернул к тебе. Ты же собирался забрать какие-то вещи?

— Да, было бы неплохо. Мы поедем с ним на машине?

— Ну да.

— Не хочу чувствовать себя обязанным.

— Ладно тебе! Характер у него, конечно, не сахарный, но он же мой дядя. От него не будет.

У нас тоже еще одна пара, а потом — сомнительная свобода в компании Эдички. В машине Славка сидит на переднем, я — сзади. Уж могла бы не бросать меня одного на произвол судьбы.

— У тебя сигареты есть? — спрашивает Славка.

— В бардачке посмотри, — отвечает Эдичка.

— Ты же не куришь, — укоряю ее.

— У меня, может быть, нервы, — она выпускает облачко дыма. — Будешь?

— Вы мне сейчас всю машину прокурите, — хмыкает Эдичка.

— Переживешь. Окно приоткрой.

Каждый раз удивляюсь, как она умудряется так — с ним.

— Какая гадость! — она разглядывает сигарету. — А я все время надеюсь на лучшее. Нам к Паше сначала.

— Помню. Я к вам, конечно, личным водителем не нанимался...

— Ну Эдичка...

— Ну Славочка, — передразнивает он. — Какой пример ты подаешь моим студентам!

— Горский взял мой рассказ? — спрашивает Славка.

— Взял. Тебе не стыдно, что я договорился?

— Ни разу. Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами, — цитирует она.

— Я смотрю, вы все писателями заделались.

— От жизни нелегкой.

— Позорница!

Славка хохочет. Дома я быстро сгребаю необходимые вещи. Отца нет, девицы — тоже. Повезло. Потом сброшу ему сообщение, что остаюсь у друга, чтобы не было лишних выяснений. Если ему не все равно. У Славки нам навстречу выбегает Митя.

— Ты почему не в школе? — Славка гладит его по голове.

— У меня с утра болело горло.

— Проказник!

— А ты почему так рано ушла?

— Паша попросил.

Митя дуется. Он меня и так недолюбливает, а уж после этого предательства!

— Ты как тут один, нормально? Обедал?

Митя кивает.

— Даже мама со мной не осталась. И у Елены отпуск.

— У мамы репетиция, ты же знаешь.

У Славки мать — пианистка, а Елена — некто вроде Митиной гувернантки.

— Все, иди к себе. Я потом зайду. У нас гости, не видишь?

— Вижу, — Митя демонстрирует мне кончик языка и убегает.

— Несносный мальчишка! Ему уже двенадцать, а он ни капли не меняется. Чай будете?

Дома Эдичка в своей серой худи выглядит пугающе. Встретил бы его ночью в подворотне — дал бы деру. Еще взгляд такой — пришибу. То ли специально, то

ли от природы. Вечер проводим за просмотром кино. Митя морщится от поцелуев на экране.

— Мерзость, — говорит.

Славка улыбается. У нее к целованию другое отношение, в этом я уверен.

— Может быть, со временем твоя позиция изменится, — говорит она.

— Или нет.

— Или нет, — соглашается Славка. — Я, например, считаю, что поцелуи переоценены.

— А секс? — на полном серьезе спрашивает Митя.

Славка хохочет.

— Ты где этого набрался, в школе? Тебе вообще об этом даже беспокоиться рано.

— Так он тоже переоценен? — не отстаёт Митя.

— Тоже. Однозначно, — Слава улыбается и приобнимает Митю. — Вообще на свете многое переоценено. А самое главное недооценивают.

— Но мы же другие! — возражает Митя.

— Хорошо бы.

Эдичка хмыкает в своей привычной манере, утопая в глубоком кресле.

— Кто хочет еще попкорна? — спрашивает Славка. — Я схожу за ним на кухню. Не выключайте.

Эдичка презирует попкорн — как, собственно, и все в этом мире.

Митя косится на меня, как всегда, недовольно. Не радует его мое присутствие. Наверное, ревнует сестру. Я выхожу вслед за Славой и слышу, она с кем-то разговаривает.

— Я вас прошу. Какой же вы все-таки вредный! Сами позвонили, сами отказываетесь, — пауза. — Простите меня. Я знаю, что виновата, — еще пауза. — Ну и ладно, как хотите! Что? Я обиделась, так и знайте.

Я захожу на кухню. Слава оборачивается, по всей видимости, нажимая на сброс.

— С кем говорила?

— Да так. Пустяки.

— А все-таки? — беру немного карамельного попкорна из упаковки, которую держит Славка.

Сладкий.

— Пойдем, мы и так уже много пропустили, — она мягко улыбается.

Я наклоняюсь, чтобы ее поцеловать, но она увильивает.

— Ты что теперь, записалась в секцию ненавидящих поцелуи?

— Веснушкин, что за глупости! Я сейчас все выроню. Собрать ты будешь?

Мы возвращаемся в комнату. На экране Хельмут Бергер целует Сильвану Мангано. Не люблю старое кино, но терплю его ради Славки.

— Ты в курсе, что Мите по возрасту нежелательно смотреть этот фильм? — шепчу я ей на ухо.

— Ханжа, сноб и зануда, вот ты кто! Здесь все равно та спорная сцена вырезана.

— Ясно.

Хвала небесам, Митя нас не слышит, неистово поглощая попкорн.

— Думаю, тебе достаточно, — Славка забирает у него упаковку.

— Ты плохая.

— А ты, я так чувствую, хочешь угодить в больницу со страшной аллергией?

Митя снова дуется, но больше не спорит.

— Тебе не скучно? — спрашиваю у него.

Славка хмурится.

— Нет. Главное, что красиво.

— Весь в меня, — смеется Славка.

— Кому скучно, могут удалиться. Никто не задерживает.

— Эдичка!

— Я всего лишь пытаюсь облегчить молодому человеку жизнь.

Спасибо большое. Лучше бы вы избавили меня от персонального задания.

Славины родители заезжают в шесть и тут же снова исчезают — в театр. Только около двенадцати, когда мы уже разбредаемся по комнатам, хлопает входная дверь.

Славка лежит на постели и молчит. Я располагаюсь на подушках внизу.

— О чем задумалась?

— Просто устала, — она поворачивается ко мне. — Ты написал отцу?

— Написал. Что-то мне подсказывает, ему глубоко пофиг.

— Надеюсь, нет, — Слава печально улыбается.

Я хочу сейчас, чтобы она поцеловала меня. Чтобы позвала к себе. Мне нужно это, мне это нужно. Мне одиноко. Фигово. Даже собственный отец, похоже, ненавидит меня до глубины души. Я приподнимаюсь и целую ее коленку.

— Веснушкин, ты чего? — она отодвигается.

Отодвигается.

— Извини.

— Мы же друзья, Паш. Мы же не переходим грань, правда?

Правда. Лучше бы мы не были друзьями. Нет, о таком даже думать нельзя.

— Паш, иди сюда.

Слава садится на постели, я — рядом с ней. Прижимается ко мне.

— Все в порядке? — спрашивает.

— Да.

— Будем спать или опять что-нибудь посмотрим?

— Ты же устала.

— Не для очередного кино, — усмехается Славка. — Посмотрим то, что нравится тебе.

— Ты же знаешь, я смотрю только современные фильмы. И то — совсем немного.

— А сериалы?

— Например?

Слава пожимает плечами.

— «Шерлок».

— О нет. Ты предлагаешь смотреть такое на ночь? Я либо не усну, либо меня замучают кошмары.

Славка хихикает.

— Что ты предлагаешь?

— Поговорить и лечь спать.

— Хорошая идея, — Славка взбивает подушку и ставит ее за спину.

— Наверное, ты права. Я пойду на Мишин концерт.

— Отлично.

— Он в субботу?

Она кивает.

— Почему ты любишь старое кино? — спрашиваю.

— Я люблю не все старое кино, а только красивые фильмы. Эстетичные. Привыкшие взгляд. Для меня в кино на первом месте — визуальная сторона, а потом уже все остальное. Да, собственно, не только в кино, но и в жизни.

— Хочешь сказать, в современных фильмах плохой визуал?

— Он часто неестественный. Начирканный на компе, например. Отфильтрованный. А бывает и вовсе некачественный.

— Ну да, может быть.

— И люди какие-то неживые. Одинаковые.

— Я удивляюсь, как ты все подмечаешь.

— Просто фильм идет мимо тебя, Паш. А мне — навстречу, — она улыбается.
— Видимо, я невнимательный. А я ведь хотел на режиссерский.
— Там бы тебя всему научили, — уверяет Славка. — Или нет. Похоже, Эдичка опять курит на кухне, выбрал время. Гадость.
— Дашь почитать тот рассказ, который взял Горский?
Надо же, я даже фамилию запомнил.
— Ты настолько любопытный?
— Настолько.
— Может быть, однажды.
— Не доверяешь?
— Просто есть вещи, которые проще доверить чужим.
— Ты же доверила его Эдичке.
— Только ему. Пойду скажу, чтобы заканчивал, — она спрыгивает с постели и уходит, прикрывая за собой дверь.
Я вдруг понимаю, что хочу сказать ей кое-что важное. Не сейчас. Однажды.

ГЛАВА 6

Время течет медленно. Сплошные пары, пары, пары, никакого удовольствия. Кино по вечерам, от которого я уже загибаюсь, но отказаться не могу — неправильно. Спасибо, что меня вообще здесь терпят. Отец не удосужился даже ответить на сообщение — некогда, наверное. Или плевать. Видимо, я сам должен приползти к нему с извинениями, но на это я пока не готов. Теперь, когда я постоянно тусуюсь у Славки, мне начинает приоткрываться другая сторона ее жизни. Раньше я не был у нее дольше, чем пару дней, и все время мы проводили вместе. Сейчас, когда я остаюсь на неопределенный срок, Славка не прерывает, так сказать, привычное течение событий. Играет с братом — я тоже пытаюсь к этому приобщиться, но мне все еще непросто наладить с ним контакт. Часто разговаривает с Эдичкой на какие-то высокодуховные темы, они увлеченно спорят, а я чувствую себя немного не в своей тарелке, потому что под презрительным взглядом Эдички боюсь вступать в разговор. Та Славка, простая и раскрепощенная, какой она бывает в универе, дома меняется — и это бесит, действительно бесит. Она даже будто начинает говорить на другом языке и смотрит укоризненно, когда я публично позволяю себе что-то вроде обычного «пофиг». Нет, конечно, Славка может себе позволить грубить Эдичке без причины, когда у нее подходящее настроение, но, в целом, она ведет себя иначе.

— Завтра опять пара у Валентины, — говорит Славка за ужином.

Мы за столом одни — все достопочтенное семейство собралось в гостиной за глубокой беседой. Правда, Мите это вскоре надоело — он вышел на кухню за сладким и потопал к себе.

— Одни дни похожи на другие, — Славка надкусывает миндальное печенье. — Скука. Хотя бы суббота обещает перемены.

В ней опять просыпается высокопарный тон. Действительно, в субботу у Миши концерт.

— Будешь? — она протягивает мне кусочек.

Я не люблю миндальное печенье — и вообще в последнее время равнодушен к сладкому.

— Нет, спасибо, — отпиваю чай.

Прохладный, как я люблю.

— Я сдал вчера Эдичке задание.

— Знаю. Он был очень недоволен, что ты доделал его в десять вечера. Как тебе хватает наглости...

— Мне нравится его бесить.

— А мне не нравится твое к нему отношение, — она морщится.

— Это взаимно.

— Почему ты постоянно нарываешься?

— Меня раздражает его презрение в мой адрес.

Славка хмыкает.

— У него просто такой стиль общения. К тому же он редко испытывает симпатию к людям. Ее нужно заслужить.

— Этот разговор ни к чему не ведет, чуешь?

Зачем она привязывается?

— Вы оба слишком упрямы, — Славка смотрит в окно.

Я не знаю, о чем она думает на самом деле и почему ее так заботит эта тема.

— У тебя настроение из-за Валентины испортилось?

— Нет, — Славка отрицательно качает головой. — С чего ты взял, что оно испортилось?

— Тебя раньше не волновали мои пререкания с Эдичкой.

— Мы сейчас живем под одной крышей, и они стали меня напрягать.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся домой? — спрашиваю зачем-то.

— Не говори глупостей, Паш. Ты знаешь, я всегда рада тебе помочь. Просто...

— Просто я не стою его ногтя, да?

— Паш, перестань. Что с тобой?

Я встаю из-за стола.

— Извини. Что-то нашло, и...

— Ладно. Пошли в комнату.

Когда-то Гоша учил меня избегать конфликта, не вестись на раздражение собеседника. Но сейчас я чувствую себя отвратно, потому что Эдичка меня презирает, Митя — тихо ненавидит, Славка — отчитывает, а ее родители смотрят с подозрением. Было бы за что. У ее матери постоянно находится предлог заглянуть к нам после одиннадцати — ничегошеньки же нет и быть не может. Славке, по всей видимости, не нужно. Эта просторная квартира — отдельный мирок, и всем его обитателям мое присутствие не по душе. Может быть, кроме Славки. Свалю-ка я после субботы. Не выгонит же меня отец, в самом деле. Как же все невезуче и тошнотворно.

— Ты чего, Веснушкин, задумался?

Мы сидим на кровати в Славкиной комнате. Зачем мне эта нежность? Не нужна же.

— После Мишиного концерта я поеду домой.

— Это из-за меня, да? Я не хотела тебя обидеть. Тоже не знаю, что на меня нашло, — она кладет руку мне на плечо.

Не надо, Слав, не стоит. Теперь я понимаю, что постоянно надеялся — переход за грань будет. Скажу ли я ей теперь то самое важное? Вряд ли.

— Ты здесь не причем. Все нормально, правда. Но дома как-то привычнее. И даже на отцовских девиц можно не обращать внимания, — я слабо улыбаюсь.

— Тогда из-за Эдички. Или Мити. Паш, ну прекрати, просто они другие люди...

— Вот именно, что другие. А я такой же, как мать — психованный и заикленный.

— Ты не виноват, что Гоша погиб.

— У него была любовь, знаешь, такая большая и настоящая. В которую никто не верит. А я однажды гулял по городу и случайно увидел эту любовь с каким-то мужиком. Как в тупых мелодрамах. Я ничего Гоше не сказал, думал, он сам разберется. Не хотел быть виноватым. Боялся, что он мне не поверит, наорет, все испортится. Но он узнал — девица сама ему поведала душещипательную историю и собрала манатки.

— Но ведь из-за этого же нельзя, — шепчет Славка.

— Почему?

— Нелепо же. Какая-то девица — и жизнь. Разве можно их рядом ставить?

Я горько усмехаюсь.

— Отец хотя последний раз и сказал, что Гоша был его сын, а я весь, поганый, в мать, это не совсем так. Гоша все через себя пропускал, в самую душу, жил порывами. И сделал это, думаю, даже толком не соображая, что творит. Тупо, да?

— Паш...

— Ты права, нелепо. И тупо. Очень тупо. Только это ничего не меняет.

— Послушай, Паш, ты не можешь жить в этом. Больше не можешь. И Гоше ты ничего не должен, даже не думай. Это его судьба и его выбор.

— Я обманул его.

— Нет. Если бы ты рассказал ему — и он вышел бы из окна у тебя на глазах, после твоих слов, тебе было бы легче? Легче, скажи?

— Я мог его спасти. Я подходил к дому, когда он выпрыгнул, и видел, как он летел, понимаешь? Если бы я успел...

— Так было суждено.

— Так было суждено, чтобы он умер, а я страдал всю оставшуюся жизнь?

— Отпусти его, — Славка гладит меня по руке и кладет голову мне на плечо. — Своим горем ты его не вернешь, только себя загубишь.

«Конечно, тебе легко говорить, твой брат жив», — это сидит внутри, но я молчу.

Потому что не имею ни права, ни сил говорить подобное.

— А я вот «Тень ветра» начала перечитывать несколько дней назад, — Славка берет с полки толстую книжку.

Никакого разговора будто и не было. Так правильнее.

— Ты любишь готику, а, Паш? Мистику любишь, ужасы? Чтобы пробирало до костей?

— Еще бы! Это как у Валентины на лекции?

— Дурак! — она улыбается.

Я люблю ее улыбку. И красивый рот. И блеск в глазах.

— Не видел у тебя раньше этой книги.

— Купила недавно, — отвечает Славка, приоткрывая ее и пролистывая страницы.

На форзаце мельком замечаю чернильную надпись.

— И о чем?

— О книгах. Об одном загадочном писателе, странной слепой девушке и слишком любопытном мальчугане. Больше ничего не скажу.

— А как же главный персонаж готики — страшный черный человек?

— Он здесь есть, — Славка поглаживает пальцами корешок. — Честно говоря, мне не понравился финал. Я бы предпочла, чтобы герои скрылись вдвоем от всего белого света и о них больше ничего не было известно.

— А они?

— А они поженились и погрязли в быту, представляешь? Какая гадость! — Слава смеется.

— Тебе не нравится такой исход?

— Да я его ненавижу, — говорит она, отсмеявшись. — Правда. Но история заманчивая. Особенно начало. Я что-то опять хочу миндальное печенье, — она кладет книгу на стол и выходит.

Я не могу противиться соблазну. Знаю, что некрасиво и нечестно, но не могу.

На форзаце точеным (по-другому и не скажешь) почерком выведено: «От D. Puisse durer toujours une si grande joie». Интересное кино. Не от М., не от Э. И ведь якобы купила недавно, вруша. Я знаю, что не должен тыкать ее носом. Спра-

пивать. Но внутри неприятно свербит. И оставила она здесь зачем-то книгу, даже не убрала. Проверяет?

Славка возвращается с вазочкой, полной печенья, и чашкой чая. Есть в комнате, кажется, дурной тон, так она когда-то говорила.

— Что это за подпись?

Она даже не краснеет. Наверное, я все выдумал, и ничего особенного в подписи нет.

— Строчка из стихотворения Кокто, — вазочка и чашка осторожно опускаются на стол. — Пусть эта радость длится вечно.

— От Д.?

— Главного героя зовут Даниэль. Ты же знаешь, я обожаю влюбляться в книжных персонажей. Вот и подписала сама для себя.

— Это не твой почерк.

— Вот зануда! Я умею писать разным почерком. Думаешь, это выглядело бы правдоподобно, если бы я написала своим?

Я откладываю книгу. Конечно, Слава права. Конечно, я зануда. И подпись она сделала сама, любит же Кокто. Все сходится.

— Вообще трогать вещи без разрешения хозяев нехорошо, — Слава снова улыбается. — Но я прощаю.

— Может, завтра опять прогуляем?

Она качает головой.

— Не хочу рисковать. Прогуливать Валентину себе дороже.

— С тобой не договориться.

— Не договориться потом будет с ней. Со мной проще. Точно не будешь печенье?

— Нет. Не люблю его, — слегка улыбаюсь.

— Многое теряешь.

— Что ты последнее читал?

— Да я давно уже ничего не читал. Если не брать во внимание рассказы.

— По?

— Не только.

— Что ты так на меня смотришь? — спрашивает Славка, подозрительно щурясь.

— Как?

— Не дам я тебе свой рассказ, не дам. Во всяком случае, в ближайшее время. Даже не намекай.

— Даже не пытаюсь, — вздыхаю я.

На самом деле, мне не так уж это и важно. Но хочется ее поддразнить.

— Опять рисовал что-то на паре? — интересуется Славка.

— Не покажу.

— Больно надо, все равно ведь выложишь.

У меня есть страничка с адским количеством подписчиков, аж целых двести человек! Там я иногда выкладываю наброски.

— Если мы друзья, как ты говоришь, почему ты мне не доверяешь?

— Опять за свое! — в одной руке чашка, в другой — печенье, и раздраженный тон. — Может быть, я не готова. Вот напечатают, тогда покажу.

— Ладно, договорились, — я устаю спорить.

Тем более, моей целью было просто позлить ее. Не знаю, зачем.

— К сессии мы окончательно сойдем с ума, — Славка смотрит на меня. — Тебе не кажется? У меня уже голова пухнет.

— Эдичка за нас не похлопочет? Как тебе вариант?

— Недосыгаемый, — она смеется. — Но приятный. А Митя, наверное, опять слопал полбанки мармелада. Ничего не боится.

— А должен?
— У него была один раз страшная аллергия. Должен. Я так устала маяться от безделья!
— Завтра в универ.
— Как будто пара Валентины лучше безделья. Все равно не пишу конспекты. Только ее голос неприятно жужжит в ушах, как надоедливая муха.
— Согласен.
— Пойду на кухню, позвоню подруге. У нее намечалось там что-то важное, хочу послушать.
— Я могу выйти.
— Не надо, — она встает, берет чашку с недопитым чаем и телефон. — Не скучай тут. Я минут на десять.
— Знаю я эти десять минут. Попробую тогда почитать твою хваленую «Тень», что ли.

ГЛАВА 7

В субботу Славка просыпается в семь утра — и будит меня.
— Сгораю от нетерпения, — жалуется она. — А ты?
А я просто хочу поспать, но мне вряд ли позволят. До восьми мы разговариваем. Ничего особенного не происходит, и разговор напоминает легкую болтовню.
— Наконец-то выходные, — Славка потягивается. — Суббота без пар, так классно!
— Это потому, что мы наконец-то прогуливаем.
— Это потому, что мы заслужили.
Мы и правда заслужили. Воскресенье как единственный выходной — полное издевательство. Даже очухаться не успеваешь.
— Ты что будешь на завтрак, йогурт?
— Да.
— Я тоже. Чем меньше суеты, тем лучше. Кстати, я вдруг вспомнила... Ты книжку начал?
— Начал. Но устал.
— Я думала, тебе понравится, — хмурится Слава.
Еще бы губы надула, как Митя.
— Мне понравилось. Возможно, вернусь когда-нибудь.
— Знаю я тебя, — Славка хмыкает.
Я больше не лезу целоваться — с того дня, как Слава напомнила о нашей дружбе. Мне и хочется, и колется. И боюсь нарваться. Не понимаю, к чему все идет.
Йогурт холодный, и Славка ставит его подогреваться, а я пью так. Зубы неприятно сводит — самое то, чтобы проснуться до конца.
— Опять йогурты, — кривится Эдичка, выползая на кухню.
Именно выползая, потому что вставать в такую рань явно не в его стиле.
— Не нравится, не ешь, — улыбается Славка.
Ее не проймешь.
— На концерт повезешь нас?
— Обязательно. И в зал за ручку отведу.
— Какой ты милый, — Славка целует его в щеку. — Выезжаем в двенадцать?
— Да. Только соберись заранее, ты всегда очень долго канителишься.
— Не волнуйся.
Когда я возвращаюсь в комнату, Славка стоит у шкафа и выбирает наряд.
— Неужели платью наденешь?
— Это же концерт, Паш. Конечно. Как думаешь, это подойдет?

Черное бархатное платье ниже колена с длинным рукавом и широкими плечами. Ни разу не видел в нем Славу.

— Концерт же дневной, так что глупо надевать что-то вычурное, — говорит она.

— Согласен. Я вообще не очень в этом разбираюсь.

— Надену его, — она бережно кладет платье на постель. — Пойду в душ.

— Давай.

Я сажусь и провожу по нему пальцами. Ткань приятно холодит. Славка возвращается минут через двадцать.

— Я так нервничаю, ужас. Вдруг Миша ошибется на сцене или ноты забудет?

— С чего бы? — удивляюсь я. — Не думай об этом, и все будет нормально.

— Тебе это не знакомо, а я годами наблюдаю волнение мамы перед выступлением, — Славка включает фен, и пару минут он режет уши.

— Укладывать не буду, и так хорошо.

Часы летят быстро. Я тоже успеваю посетить душ, а Славка в это время наносит легкий, как она говорит, макияж. Вообще в универ она не красится никогда.

Надевает платье за ширмой. У нее даже ширма есть расписная, не могу.

— Ну как?

Душезахватывающе — есть такое слово? Вряд ли. Но это действительно так. Вот же она, привычная беззаботная Славка. Только сейчас назвать ее так язык не поворачивается.

— Ты чего застыл, Веснушкин? Под впечатлением? — Еще смеется! — Пойду спрошу у Эдички, готов ли он?

Я в своем прикиде выгляжу дешево. Неподходяще. И сейчас вдруг остро это ощущаю.

— Мне что-то резко захотелось перекусить, — у Славы в руке яблоко. — Выезжаем через десять минут.

— Не боишься испортить платье?

Слава улыбается.

— Яблоком? Да брось ты. Я аккуратно.

Она надкусывает — и сок брызжет немного.

— Зараза, — ругается Слава. — На платье не попало?

— Вроде нет.

— Не стоило все-таки брать.

Сегодня прохладно. Слава решает накинуть плащ. В машине мы молчим. Она периодически заглядывает в телефон.

— Пробок нет, ты смотрел? — наконец спрашивает Слава.

— Какие пробки в субботу?

— Ну, мало ли.

— За цветами надо заехать.

Паркуемся на Грибоедова. Дойти до Малого зала — дело пары минут. Славины туфли на маленьком каблучке цокают по мостовой. С одной стороны от нее иду я, с другой — Эдичка. Она держит нас обоих под руку и что-то рассказывает о Мише. У меня стучат зубы — не от холода, а от какого-то странного волнения.

В фойе легкий гул и разговоры. Слава смотрит на себя в зеркало — сейчас она из другого мира. Мне неловко.

Мы поднимаемся по огромной мраморной лестнице — кажется, я был здесь последний раз лет пять назад. Еще с Гошей. Играл какой-то ансамбль, а потом — пианист. Слава оглядывается.

— Потеряла кого-то? — спрашиваю я с улыбкой.

— Нет. Миша уже в артистической, — она тоже улыбается. — Просто смотрю вокруг. Вдруг замечу кого-нибудь из знакомых.

Неужели у них с Мишей есть общие друзья?

— В зал когда пойдём? — интересуясь.

— Минут через пять.

— Смотри, графчик приехал, — шепчет Эдичка Славе. — А ведь говорил, что не приедет.

— Не называй его так, я же просила.

— Тебе можно, мне нельзя? — усмехается Эдичка.

Я сначала не понимаю, о ком они говорят, а потом вижу молодого человека, направляющегося в нашу сторону. Знаете, бывают такие люди с благородными-благородными лицами, что аж тошнит? Это как раз тот случай. Приглашенные темные волосы, изысканный бархатный костюм (в тон Славиному платью) и белая холеная рука, пожимающая мою, когда Слава представляет нас. Я сейчас сам по-другому заговорю — и даже избавлюсь от вечного «пофиг», наобщавшись с этим Мишиным однокурсником.

— Ярослав Вадимовна, — его лукавая улыбка тошнотворна, я уже говорил? И невероятно действует на нервы.

— Дэнни, я рада, что вы приехали.

— У вас прелестные серьги.

— Когда-нибудь я вам их одолжу.

— Вы так любезны.

Мне все это ужасно не нравится. Ужасно. Стоп. Дэнни. «От Д.» Неужели он подарил ей книгу?

— Пойдемте в зал, — Слава берет нас обоих под руку.

Как с Эдичкой. Никого не принижая, никого не выделяя. Хотя меня уже все равно принизили. Она садится между нами, а Эдичка, устроившийся по другую сторону кресел, смотрит на нее с улыбкой. Эдичка — и улыбается. Конец света еще не грянул? Миша выходит на сцену, играет — я не знаю, что он играет. Наверное, я самый тупой в этом зале. Не понимаю, зачем Слава меня пригласила — развлекалась бы здесь со своим графчиком. Или она специально? Типа, почувствуй разницу? Я не могу встать и уйти только потому, что это некрасиво по отношению к Мише. А еще потому, что хочу дожидаться развязки.

Слава одухотворенно слушает музыку. Сонаты, пьесы — весь список есть в программке, но он проскальзывает мимо меня. Здесь разыгрывается какой-то другой спектакль, не имеющий отношения к увлеченному Мише за роялем. Концерт небольшой, чуть больше часа, и в конце Миша играет «Наваждение» Прокофьева. Я помню его, опять же, благодаря посещению этого места с Гошей пять лет назад. Пьеса продирает душу и вызывает дикие мурашки — мы с Гошей сидели тогда на пару рядов дальше. Опять сводит зубы от неприятного ощущения внутри. Никакого удовольствия от субботы — лучше бы сидел на парах. Честное слово. Слава дарит Мише цветы — и мы проходим за кулисы. Я поздравляю его с успешным концертом, он улыбается.

— Знаешь, я всегда так волнуюсь перед выходом на сцену, а когда все заканчивается, хочется снова. И ощущение, что во второй раз справлюсь лучше.

— У меня примерно те же чувства перед экзаменами, — улыбаюсь в ответ.

Эдичка, Слава и Дэнни стоят чуть поодаль и разговаривают. А они подходят друг другу. Дядя — кандидат наук, родители — математик и пианистка. Дэнни отлично вписывается в это высшее общество.

Миша смотрит на меня внимательно.

— Все в порядке?

— Да, а что?

— У тебя взгляд застыл. Извини.

Застынешь здесь.

— Ты часто выступаешь? — спрашиваю у Миши, отворачиваясь от веселой компании.

— Не очень. Мне вообще повезло быть сегодня здесь.

— Ты за роялем так смотришься, будто всю жизнь за ним прожил.

— Так я почти всю и прожил, — усмехается Миша. — С пяти лет.

К нам подходит Эдичка.

— А где Слава, Эдуард Викторович? — интересуется Миша.

— Пошла прогуляться. Вернется сейчас.

Он что-то говорит Мише, а я ускользаю. Хочу найти Славу, потому что Дэнни тоже нет.

Они находятся быстро — в фойе за колонной. Я выглядываю, и снова прячусь обратно. Люди уже разошлись.

— Я думала, вы не приедете, — говорит Слава. — Почему вы даже не позвонили?

— Во-первых, хотел сделать сюрприз. Во-вторых, обиделся. Вы сами все время пропадаете.

— Это вы можете прогуливать свою консерваторию, сколько вам вздумается, а у меня учеба.

— Я вам не верю.

— Верьте, во что хотите, — Слава смеется.

У меня мурашки по всему телу от этого ее смеха.

— Вы меня совсем не любите.

— Люблю. Страшно люблю... — Это говорит не Слава.

Она не может такое говорить. Кажется, я сам очутился в тупой мелодраме.

— Надо возвращаться, нас будут искать.

— Мы увидимся завтра? — молящий тон и сплошное кокетство.

Странно, что у меня до сих пор не возникло желания выйти из окна. Наверное, я более стойкий, чем Гоша.

— В четыре у Русского, — отвечает Слава.

— D'accord.

Еще и французское словечко. А, ну да, это же он написал на форзаце ту строчку из Кокто. Я возвращаюсь в артистическую позже них, чтобы не возникло подозрений.

— А поехали куда-нибудь! — говорит Миша. — Посидим, поговорим. Я угощаю.

— Поддерживаю! — Слава улыбается. — Куда? Можно до «Катюши» пешком дойти. Там уютно.

— Давайте, — соглашается Миша.

— Ты с мамой?

— Нет, она уже уехала. Дела.

Мы идем вроде и все вместе, а вроде и порознь. Эдичка с Дэнни спорят о позднем творчестве Модильяни. Вовремя. Я иду рядом с Мишей, а Слава то здесь, то там.

— Сегодня хороший день, Веснушкин, — говорит она мне.

Звучит насмешнически. Хотя она, конечно, не знает, что я слышал тот разговор.

— Замечательный, согласен.

Вечером я поговорю с ней обо всем. А домой поеду, наверное, уже завтра.

За столом она сидит между мной и Дэнни. Эдичка рассказывает смешные истории о студентах. Сам не смеется, но Слава с Мишей заливаются. Дэнни смеется сдержанно — воспитанный, вашу ж мать. Ни одного лишнего слова и движения.

Как выверенные часы.

— В БДТ премьера намечается, пойдете? — спрашивает он.

Не у всех, у Славы. Они же на «вы». Аристократия фигова.

— А вы приглашаете? Можно.

Он ни разу даже ее не приобнял. И это любовь?

В ресторане классно. Уютно, русские романсы играют. Только, к сожалению, я не могу всем этим сейчас наслаждаться.

Заканчиваем уже в половину седьмого.

— У вас, наверное, личный водитель, — зачем-то говорю я Дэнни.

Грубо, конечно. Слава едва заметно одергивает меня.

— На самом деле, я чаще езжу на метро, — мягко отвечает он.

Ничем не проймешь.

— Что-то есть невероятно притягательное в этих старых поездках, в шуме и сквозняках, даже в вечно недовольной толпе. Жизнь — это суета, а метро — это жизнь. Оно меня вдохновляет.

Он точно не извращенец? Все прощаются у метро, и мы втроем направляемся к машине.

— Тебе понравилось, как Миша играет? — спрашивает Эдичка у Славы.

— Понравилось.

Эдичка снова улыбается. Сегодня точно конец света.

— Я слышал ваш разговор в филармонии, — Слава убирает платье в шкаф, когда я говорю эти слова.

Она в рубашке и шортах, вроде бы снова прежняя. И одновременно совсем другая.

— Знаю, — Слава тихонько прикрывает дверь.

— Когда ты вообще с ним познакомилась?

— Миша пошел отдавать документы в консерваторию. Я была с ним. Там и познакомилась. Потом мы гуляли по набережной, и Дэнни предложил встретиться на следующий день.

— Его и по паспорту так зовут? — усмехаюсь я.

— Нет. Даниил.

— И ты ни разу о нем не упоминала. А Миша еще сказал, что мне с тобой фортуна. Он что, не знал?

— Знал. Просто проверял тебя. Он вообще не слишком одобряет нашу близкую дружбу, — она смотрит мне прямо в глаза. — Я рассказывала тебе о Дэнни давно, просто ты забыл.

— Забыл? — переспрашиваю я.

— Ну да. Это еще до гибели Гоши было.

— Помнишь, однажды Гоша отвез меня к тебе на ночевку, и мы целовались...

— Помню. И жалею об этом. Мы просто поцеловались, Паш. Просто прижались губами. Это не считается.

— Конечно, не считается.

— Почему ты всегда была со мной такой свободной?

— Тебе это было необходимо, разве нет? После гибели Гоши ты сломался. Я не могла тебя доломать — и многое отдала бы, чтобы он был жив.

Теперь я точно в тупой мелодраме.

— Почему Дэнни? Любовь с первого взгляда?

— Мы одинаковые. Моя жизнь, Паш, она в концертных залах, театрах, музеях. На вечерах стихов. В старом кино, в Серебряном веке. Я читаю Дэнни Кокто, и он не нуждается в переводе. Я приглашаю его в музей, он меня — в театр.

— А я — плебей.

— Не надо, Паш. Ты просто из другого мира.

— А как же твое презрение к браку?

— Причем здесь брак! Мне нужен единомышленник. Союзник. Человек, без которого я не могу, как без рук. Как без своего тела.

— Которого ты любишь?

— Любовь — нечто эфемерное и непостоянное. Она проходит. А союзничество — никогда.

— Но ты ведь сказала Дэнни...

— Я действительно люблю его, просто вкладываю в это другой смысл.

— Я хотел сказать тебе вчера то же самое. Думаешь, пройдет?

Слава вздыхает.

— Надеюсь. Я позвала тебя на этот концерт, чтобы ты все увидел сам. Я не могла больше, понимаешь? Это неправильно. Я все равно не смогу спасти тебя. Тебе нужен тот, кто не прошел с тобой весь твой ад. Кто не связан с гибелью Гоши. Кого ты, наверное, еще не встретил.

— Ты даже не поцеловала его.

— Кого, Дэнни? А зачем? Зачем демонстрировать, выставлять напоказ? И что это за вечная потребность в поцелуях? Ему и так все известно. И мне — известно.

— Только не бросай меня.

Слабость. Я всегда был слабым и ничтожным. Меня растоптали — а я прошу о помощи.

— Никогда, — Слава грустно улыбается. — Знаю, что сейчас это не поможет, но прости меня. Веснушкин. *On reste amis?*

Для этого мне тоже не нужен перевод.

— *Pour toujours.*

Слава говорила мне отпустить Гошу. Теперь, после моей личной маленькой трагедии, Гоша уходит на второй план, и я понимаю — так будет всегда. Моя жизнь однажды окончательно затмит его смерть.

«Отпусти его», — сказала мне Слава, и за эти простые слова я забуду ей многое. Прощай, Гоша. Может быть, я слаб, но точно сильнее тебя.

ЭПИЛОГ

Когда Слава проснулась, было уже десять часов утра. Она потянулась на своей широкой постели — хорошо! В комнате стояла духота. Слава поднялась, подошла к окну — и распахнула его, щурясь от солнца. На тумбочке лежал французский журнал, раскрытый посередине. Вчера они поздно вернулись из театра, долго говорили — и легли около трех. Еще час Слава не могла успокоиться и решила немного почитать. Теперь она села на уголок кровати и взяла журнал, чтобы окончательно проснуться. В соседней комнате было тихо.

«Спит еще», — подумала Слава с улыбкой и пробежала глазами страницу. Читать не хотелось. После вчерашней пьесы нахлынули воспоминания.

Она подумала о Дэнни — своей первой нелюбви. Бывает первая любовь, бывает — нелюбовь. Трудно распознать сразу. И ведь, казалось, они были абсолютно одинаковые, абсолютно. Увлекались одним и тем же, с удовольствием бродили по музеям, Дэнни обожал литературные сборища не меньше нее... Отчего все так сложилось? Ей ведь думалось, это и есть любовь, когда двое — близнецы. Союзники. Единомышленники. Она так и сказала однажды Паше. Любовь проходит, союзничество — никогда. И глупая нежность, которая всегда была у нее к Паше, желание сжать его в объятиях посылнее — этого было недостаточно. Это настоящее, так она считала. Дэнни казался ей совершенством, далеким от мирских забот, проблем, неустроенности. Грязи. И его лицо византийского письма тоже было совершенным. Слава вспомнила защиту диплома и выпускной, которые пролетели для нее в одно мгновение — и решили все. Она крутила колечко на пальце, восстанавливая в памяти события пятилетней давности. Как давно Слава не думала об этом, как давно отложила на дальнюю полку — никто не хочет вариться в боли, даже перемешанной с отчаянной радостью.

Они стояли с Пашей напротив университета и молчали. Последние два года дружбы дались им нелегко. Она знала, всегда знала, что он любит ее, но ведь между ними не было такого союзничества, как между ней и Дэнни. Паша был из другого мира, но Слава еще на первом курсе решила с ним подружиться — понравился. А потом, после гибели Гоши, его брата, она была единственным человеком, который удерживал Пашу на плаву.

— Дэнни не будет?

То ли с ехидством спросил, то ли с затаенной болью. Слава помнила его взгляд, когда сказала, что любит Дэнни. Когда сказала, что Пашина любовь к ней пройдет, а у них с Дэнни все будет вечно — это ведь настоящее. Союзничество. Только почему ей ни разу не хотелось его поцеловать?

— Его никогда больше не будет, — ответила она сухо.

— Что это значит?

— Мы расстались.

Паша молчал. Слава чувствовала — он собирается спросить, почему.

— Я никогда не хотела близости — ни с Дэнни, ни с кем-либо другим. И он уверял меня, что такой же и даже называл это высокими отношениями, — она поняла, что сейчас расплатится.

Только не перед Пашей.

— А потом один раз мы поссорились из-за какой-то мелочи, это была едва ли не первая наша ссора. Наверное, я зря тебе рассказываю...

— Я хочу знать. Мы же друзья.

Просто друзья, так она всегда говорила.

— Он назвал меня ненормальной. Сказал, что терпел все только потому, что Аня, с которой его связывают полноценные отношения... — Слава почувствовала, что задыхается.

И разрыдалась. Так глупо и нелепо. Так нечестно по отношению к Паше.

— Теперь мы точно в идиотской мелодраме, — слабо улыбнулся он, обнимая Славу.

— В общем, Аня не любит светскую жизнь, но зато у нее полно других достоинств.

Слава уткнулась в него, и ее захлестнула нежность. Она два года даже не смела брать его за руку — после того, как он узнал о существовании Дэнни.

— Я так боялась, что сломаю тебя, — сказала она потом. — Считала, что тебе нужен кто-то, не связанный со смертью Гоши. Чтобы у тебя с этим человеком не было общих воспоминаний...

— Ты говорила то же самое в день, когда я познакомился с Дэнни. И, знаешь, ты все равно меня сломала. Сначала приручила, а потом оказалось — «не люблю». Это была первая настоящая боль после ухода Гоши. Никто не способен был сломать меня так, как ты. И показать, что после его гибели жизнь не перестанет издеваться надо мной. Именно в тот момент у меня получилось его отпустить...

Слава отложила журнал и поднялась с постели.

«Разбужу его и пойдем завтракать. А то уже совсем поздно».

Даже для субботы. Она прошла к соседней комнате и приоткрыла дверь. Паша лежал, положив голову на руку. Его рыжие волосы разметались по подушке.

Слава вспомнила, как на четвертом курсе он обрезал их, а она даже не могла ему возразить, потому что больше не имела на это права. Зато прозвала его Аглаей Петровной — парадокс, но со стрижкой он стал сильнее напоминать девушку.

— Булочка, вставай. Ты знаешь, сколько уже время?

Паша нехотя открыл глаза и сел на постели, недовольно и еще сонно уставившись на Славу. Она села рядом и поцеловала его.

— То Веснушкин, то булочка... Может, хватит давать мне прозвища?

— Не дожدهшься. Давай, Аглая Петровна, одна нога здесь, другая — там. Или я слопаю весь торт без тебя, и ты лишишься своих щечек.

— Провокаторша.

Слава смотрела на Пашу — и у нее защемило сердце. Если бы не та ссора, если бы Дэнни не сказал ей правду... Иногда у нее складывалось ощущение, что где-то в другой реальности их с Пашей пути разошлись навсегда. И каждый раз при этой мысли ей становилось нечем дышать.

— Какие планы на сегодня?

— Нужно дальше переводить сценарий. Дедлайн через неделю, а я с места сдвинуться не могу. Сначала ходим по театрам, а потом я не сплю, и днем нет сил работать.

— Это была твоя идея.

— Знаю, — она улыбнулась. — А у тебя какие планы?

— Тоже перевод висит. Еще нужно пройтись по лекциям.

— Я рада, что ты, наконец, можешь заниматься любимым делом.

Паша тоже улыбнулся.

— Даже если я не буду потом снимать, ты знаешь, как я мечтал учиться режиссуре.

Слава кивнула.

— Отрежь мне еще кусочек. Кстати, я забыла, у меня сегодня деловая встреча.

Подвезешь?

— В субботу? Seriously? — хмыкнул Паша.

— К сожалению.

После завтрака Слава села за перевод, а он перебирал записи, притулившись к ней. Через полчаса она оторвалась от работы, накрутила на палец прядь его волос. Он внимательно смотрел на нее.

— Что, Веснушкин?

— Я подумал, мы все время заняты и так редко бываем вдвоем.

— Вчера только в театр ходили, забыл? — она поцеловала его в нос.

Этот чудесный нос с маленькой горбинкой, щедро усыпанный веснушками. Как бы она жила без него?

— Вчера — да. А до этого мы неделю виделись лишь по утрам.

— Ты прав. Но завтра мы должны идти на семейный ужин. Эдичка настаивает.

— Твой дядя умеет убеждать, — вздохнул Паша. — Он даже потеплел ко мне, несмотря на все презрение.

— К сожалению или к счастью, ему есть с кем сравнивать. Кумир рухнул с пьедестала, понимаешь?

Они никогда не говорили о Дэнни, но он все равно периодически мелькал в их разговорах.

— Твой отец придет? — спросила Слава.

— Не знаю. Но меня радует, что мы помирились, хотя близкими так и не стали. А мать так и продолжает сходить с ума.

Слава вздохнула.

— Тебе помочь с переводом?

— Да, ты знаешь, здесь есть пара заковыристых фразочек...

Паша взял Славу за руку.

— Может быть, перенесешь встречу?

Она продолжала изучать его лицо.

— Ради вас — что угодно.

Через три часа, отобедав в любимом ресторанчике, они мчались в парк развлечений. Сначала Слава упиралась, но Паша настоял на своем.

— Ты обещала!

Это был аргумент года. На высоченных каруселях Слава не каталась с детства, и теперь к ней вернулось забытое чувство восторга — и дикого страха. Она услышала восторженный визг Паши, который сидел позади нее, и вдруг подумала о Дэнни. Слава видела его не так давно; они поговорили, как чужие друг другу люди. Куда только делось все союзничество. Может быть, его и не было никогда? Может быть, союзничество — это Паша, бродящий по музею целый день ради нее? Или она сама, смотрящая с ним его любимые современные фильмы? Которые, кстати говоря, оказались очень неплохи.

— Вышла за Пашу? — спросил у нее Дэнни.

Так запросто, на «ты». Аристократические манеры исчезли в раз. Она кивнула.

— Ради него ты смогла поступиться своими принципами.

Слава улыбнулась.

— С Пашей этого не нужно. С ним я могу быть собой.

Дэнни, скорее всего, окрестил их повернутыми. Но теперь это было неважно. Слава заметила, что у него на руке не было кольца — и он ничего не сказал о себе...

— А пойдем на колесо обозрения? — они только сошли с карусели, и у Славы слегка кружилась голова.

Она заметила лукавый блеск в Пашиных глазах.

— Нет. Нет!

Но он уже тянул ее к колесу.

— Я боюсь. Пашенька, не надо. Веснушкин! Аглая Петровна! Хватит!

— Со мной тебе нечего бояться.

— Действительно. Только не говори, что у тебя припасен парашют.

— Все будет отлично, — когда он делал страшные глаза, ей хотелось расхохотаться, поцеловать и ударить его одновременно.

Вместо этого Слава разрешила затащить себя на колесо. Все действительно прошло неплохо, если учесть, что ее потряхивало всю дорогу и она сидела, крепко вжавшись в Пашу. Он хихикал.

Потом они ели мороженое — и хихикали вместе.

«Если бы не Дэнни, если бы не ссора, я бы добровольно отказалась от своего главного счастья».

— Славочка, — Паша поцеловал ее.

Его губы были испачканы в мороженом.

— Веснушкин, — ответила она нежно.

Он всегда был бесконечная нежность, хрупкость — и сила.

— Я просто хочу, чтобы ты была рядом. И больше ничего, — прошептал он.

— И даже в ту ночь, когда ты стал целовать мои колени, ты больше ничего не хотел? — слукавила она.

— Слава! Я готов зацеловать тебя всю, но это неважно. Важно, чтобы ты была здесь...

Они стояли какое-то время, вжавшись друг в друга, и молчали.

— Пойдем домой, — наконец произнесла она. — Я устала. Знаешь, сегодня замечательный день.

Паша взъерошил ее короткие волосы.

— Что ты делаешь? — возмутилась она. — Я буду похожа на воробья.

— Воробушка-заснобушка.

— Глупый, — она шуточно толкнула его. — Кстати, Миша вчера написал. Он сейчас в Париже. Не хочешь слетать в следующем месяце на его концерт?

— Я смотрю, твои бывшие одноклассники шикают, — Паша усмехнулся. — Pourquoi pas?

Слава хмыкнула.

— Ужин завтра в семь, но Эдичка просил подъехать к трем, — сказала Слава, когда они вечером лежали в обнимку на Пашиной постели. — Соскучился, наверное.

— Опоздать нельзя?

— Как тебе не стыдно!

— Молчу.

— Я останусь здесь? — Слава устроилась поудобнее, укрываясь пледом. — Так уютно, не хочется уходить.

— Конечно.

Она уткнулась носом ему в шею и через пару минут уже крепко спала. А Паша вдруг подумал, что выстраданное счастье — дороже любого другого.